

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

КОРНЕЛИУС РАЙАН

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Штурм Берлина глазами очевидцев

Корнелиус Райан
Последняя битва. Штурм
Берлина глазами очевидцев

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=618695

*Последняя битва. Штурм Берлина глазами очевидцев / Пер. с англ. Л.А. Изгоревского:
Центрполиграф; Москва; 2003
ISBN 5-9524-0691-2*

Аннотация

Классическое произведение Райана, одного из лучших военных репортеров прошедшего столетия, посвящено истории битвы за Берлин – последней битвы Второй мировой войны. Автор показывает трагедию изнутри, глазами очевидцев и участников событий: от солдата до маршала, от эсэсовца до монахини. Достигая «эффекта присутствия», с поразительной объективностью исследуются чувства проигравшего диктатора и шквал вырвавшегося напряжения наступающих. Не обойдена ни одна сторона жизни человеческого сообщества, не забыто ни одно злодеяние, ни одна «слезинка ребенка».

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Часть вторая	33
Глава 1	33
Глава 2	38
Глава 3	43
Глава 4	46
Глава 5	49
Часть третья	53
Глава 1	53
Глава 2	58
Глава 3	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Корнелиус Райан

Последняя битва. Штурм Берлина глазами очевидцев

Эта книга посвящается мальчику, родившемуся в Берлине в последние месяцы войны. Его имя Петер Фехтер. В 1962 году он был расстрелян из пулемета своими соотечественниками и оставлен умирать от потери крови у самого трагического памятника победе союзников – Берлинской стены

Излагая военные события, я не осмеливался пользоваться случайной информацией либо собственными фантазиями; я не описал ничего, что не видел бы своими глазами или не узнал от тех, кого подверг самым тщательным и детальным расспросам. Это была трудоемкая задача, так как свидетели одних и тех же событий описывают их по-разному, как они помнят, или же они являются заинтересованными сторонами и искажают факты намеренно. Очень возможно, что строго исторический характер моего повествования разочарует кого-то. Но если человек, пожелавший увидеть истинную картину произошедших событий... сочтет написанное мной полезным, я буду удовлетворен.

Фукидид. История Peloponnesской войны. Том I. 400 г. до н. э.

Предисловие

День А, понедельник 16 апреля 1945 года

Битва за Берлин, последняя атака на гитлеровский Третий рейх, началась ровно в четыре часа утра в понедельник 16 апреля 1945 года, или в день «А», как называли его западные союзники. В тот момент менее чем в 38 милях к востоку от немецкой столицы красные сигнальные ракеты разорвали ночную тьму над вздувшимися водами Одера, возвестив о начале ошеломляющего артиллерийского обстрела города, предварявшего наступление русских.

Примерно в то же самое время части 9-й армии США повернули от Берлина на запад, чтобы занять новые позиции на Эльбе между Тангермюнде и Барби. 14 апреля генерал Эйзенхауэр решил остановить англо-американское наступление на территории Германии.

«Берлин, – заявил он, – больше не является военной целью». Когда это заявление стало известно в американских войсках, некоторые их подразделения находились всего в 45 милях от Берлина.

С началом штурма оцепеневшие от ужаса берлинцы, прятаясь в развалинах разбомбленного города, остались верны единственной политике, которая теперь имела значение, – «политике выживания». Еда стала важнее любви, надежное убежище – достойнее сражения, выживание – более правильной военной целью, чем победа.

Эта книга – история последней битвы, штурма и захвата Берлина.

Хотя в нее включены описания сражений, это не военный доклад. Скорее, это история обычных людей, солдат и гражданских лиц, охваченных ужасом и отчаянием поражения, и история победителей.

Часть первая Город

Глава 1

На северных широтах рассвет наступает рано.

Бомбардировщики только покидали берлинское небо, а первые солнечные лучи уже разгорались на востоке. В утренней тишине огромные черные столбы дыма поднимались над кварталами Панкова, Вейсензе и Лихтенберга. При низкой облачности трудно было отличить мягкий солнечный свет от отблеска пожаров.

В пелене дыма, дрейфующей над развалинами, возвышался в окостеневшем, жутком великолепии город, подвергшийся таким страшным бомбардировкам, каких не знал ни один другой город Германии. Он почернел от сажи, покрылся оспинами тысяч воронок и кружевами скрученных балок. Огромные дома смело с лица земли, а в центре столицы были уничтожены целые кварталы. Широкие дороги и улицы превратились в изрытые воронками тропы, змеящиеся между горами строительного мусора. И повсюду остовы зданий тарачились пустыми глазницами окон.

Обрушившаяся вслед за бомбами масса сажи и пепла засыпала руины. В глубоких каньонах битого кирпича и искореженной стали безмолвно клубилась пыль. Пыль неслась и по широкой Унтер-ден-Линден между редкими, случайно уцелевшими зданиями банков, библиотек и дорогих магазинов. Липы, давшие название улице, стояли обнаженными, свежие почки сгорели прямо на ветвях. Бранденбургские ворота высотой с восьмиэтажный дом, выщербленные и изрезанные осколками, возвышались на двенадцати массивных дорических колоннах напоминанием о былых триумфальных шествиях. Соседняя Вильгельмштрассе, вдоль которой тянулись правительственные здания и бывшие дворцы, была засыпана мусором и осколками стекла. Номер 73, прекрасный маленький дворец, служивший резиденцией германским президентам до воцарения Третьего рейха, сгорел дотла. Когда-то его называли миниатюрным Версалем; теперь у колоннады портика валялись разбитые вдребезги морские нимфы, прежде украшавшие фонтан, а с верхнего карниза склонялись над замусоренным двором две обезглавленные статуи рейнских дев.

В квартале от дворца среди груд щебня стоял весь в шрамах, но целый номер 77 – трехэтажное желтовато-коричневое здание в форме буквы «L». Над каждым входом парили сверкающие позолотой, израненные осколками орлы, сжимавшие в когтях венки со свастиками в центре. Фасад щеголял внушительных размеров балконом, с которого на мир обрушивалось множество безумных речей. Имперская канцелярия, канцелярия Адольфа Гитлера, не пострадала.

В верхнем конце разбитой Курфюрстендам возвышался деформированный остов когда-то фешенебельной церкви памяти кайзера Вильгельма. Стрелки на обуглившемся циферблате остановились ровно на 7.30; это время они показывали с того ноябрьского вечера, когда бомбы уничтожили тысячу акров города.

В сотне ярдов от церкви раскинулись «джунгли обломков» – всемирно известный Берлинский зоопарк. Аквариум был разрушен полностью. Террариуму, жилищам гиппопотамов, кенгуру, тигров и слонов, как и дюжинам других построек, был нанесен серьезный ущерб. Окружающий зоопарк Тиргартен, знаменитый парк в 630 акров, превратился в пустырь с огромными воронками, заваленными мусором озерами и частично разрушенными

посольскими зданиями. Когда-то парк был естественным лесом с пышными деревьями. Сейчас большинство из них сгорело и повсюду торчали безобразные пни.

В северо-восточном углу Тиргартена громоздились самые «живописные» берлинские руины – результат не союзнических бомбардировок, а немецкой политики. Огромный рейхстаг, здание парламента, был преднамеренно подожжен нацистами в 1933 году, а в поджоге обвинили коммунистов, тем самым предоставив Гитлеру предлог для захвата абсолютной, диктаторской власти. На осыпающемся портике над шестью колоннами входа, обращенного к морю мусора, почти поглотившему здание, можно было прочесть почерневшие высеченные слова: «Dem Deutschen Volke» – «Немецкому народу».

Когда-то перед рейхстагом стоял скульптурный комплекс, тоже разрушенный, весь, кроме одного элемента – колонны высотой в 200 футов из темно-красного гранита на массивном основании. После пожара 1933 года Гитлер приказал ее переместить, и теперь она стояла в миле от рейхстага на Шарлоттенбургер-Шоссе, ближе к центру оси восток – запад – автомагистрали, пересекавшей город приблизительно от реки Хавель на западе до конца Унтер-ден-Линден на востоке. В это мартовское утро лучи восходящего солнца осветили позолоченную статую на вершине колонны: крылатую фигуру с лавровым венком в одной руке и штандартом Железного креста в другой – статую Победы, не тронутый бомбами изящный берлинский мемориал посреди заброшенной земли.

Над измученным городом сирены завывали сигнал отбоя. Закончился 314-й рейд союзников на Берлин. В первые годы войны налеты были единичными, но сейчас бомбардировки практически не прекращались: американцы бомбили днем, военно-воздушные силы Великобритании – ночью. Количество разрушений увеличивалось почти ежечасно и достигло ошеломляющих масштабов. Взрывы бомб превратили в пустыню более десяти квадратных миль застройки – в десять раз больше, чем площадь Лондона, разрушенная люфтваффе. Три миллиарда кубических футов обломков завалили улицы – все вместе могло бы составить гору высотой более тысячи футов. Почти половина из 1 562 000 берлинских зданий понесли тот или иной урон, каждый третий дом был или полностью разрушен, или непригоден для проживания. Людские потери были так высоки, что их никогда не удастся точно подсчитать, но по меньшей мере 52 000 человек погибли и вдвое больше были серьезно ранены. Это в пять раз больше убитых и тяжело раненных, чем при бомбежках Лондона. Берлин стал вторым Карфагеном, а агония еще не наступила.

Удивительно, что люди вообще смогли выжить в этом царстве опустошения, но среди руин, противореча здравому смыслу, продолжалась «нормальная» жизнь. Двенадцать тысяч полицейских все еще несли службу. Почтальоны разносили почту; газеты выходили ежедневно; не прерывалась телефонная и телеграфная связь. Мусор вывозился. Были открыты кинотеатры, театры и даже часть разрушенного зоопарка. Берлинская филармония заканчивала сезон. Универмаги проводили распродажи. Продуктовые лавки и булочные открывались каждое утро, прачечные, химчистки и парикмахерские не испытывали недостатка в клиентах. Работали метро и надземка; немногие не пострадавшие от бомбежки бары и рестораны были переполнены. И почти на каждой улице, как и в мирное время, слышались пронзительные голоса берлинских цветочниц.

Может быть, самым удивительным было то, что работало более 65 процентов крупных берлинских заводов и фабрик. Почти 600 000 человек имели работу – вот только добраться до места работы было непросто. Дорога часто занимала несколько часов. Улицы были загромождены транспортом: сплошные объезды, снижение скорости и аварии. Из-за этого берлинцам приходилось рано вставать. Все хотели добраться до работы вовремя, потому что американцы, сами ранние пташки, часто начинали бомбить город в девять утра.

В это солнечное утро в двадцати протяженных городских районах берлинцы выползали на свет, как пещерные люди эпохи неолита. Они появлялись из недр метрополитена, из бомбоубежищ под общественными зданиями, из подвалов своих разрушенных домов. Какими бы разными ни были их надежды и страхи, их верования и политические убеждения, одно у берлинцев было общим: те, кто пережили еще одну ночь, были полны решимости прожить еще один день.

То же можно сказать и обо всей нации. На шестом году Второй мировой войны гитлеровская Германия отчаянно боролась за выживание. Рейх, собиравшийся властвовать тысячелетие, был оккупирован с запада и востока. Англоамериканские войска подошли к великому Рейну, прорвались в Ремаген и устремились к Берлину. Они были всего лишь в трехстах милях к западу от столицы. На восточных берегах Одера материализовалась гораздо более близкая и бесконечно более страшная угроза. Всего в 50 милях от Берлина стояли русские армии.

Наступила среда, 21 марта 1945 года. В то утро берлинцы слышали по радио самый свежий шпегер тех дней: «Это будет весна без конца».

Глава 2

Каждый из берлинцев реагировал на угрозу по-своему. Некоторые упрямо игнорировали опасность, надеясь, что все обойдется. Другие куражились. Кто-то был охвачен гневом и страхом, а кто-то ощущал себя загнанным в угол зверем, подготовившимся храбро встретить свою судьбу.

В Целендорфе, юго-западном районе Берлина, как обычно, проснулся с рассветом молочник Рихард Погановска. В былые годы его каждодневные обязанности часто казались ему однообразными и скучными, теперь он испытывал к ним благодарность. Погановска работал на Далемской государственной ферме, существовавшей уже триста лет. Эта ферма находилась на самой модной окраине Целендорфа – в Далеме, всего в нескольких милях от центра огромной столицы. В любом другом городе такое расположение молочной фермы сочли бы странным, – в любом, но не в Берлине. Одну пятую всей территории города занимали парки и лесные массивы с озерами, каналами и речками. И все же Погановска, как многие другие работники, предпочел бы, чтобы ферма находилась где-нибудь в другом месте, подальше от города, от опасностей и постоянных бомбежек.

Сам Погановска, его жена Лизбет и трое их детей опять провели ночь в подвале большого дома на Кенигин-Луиз-Штрассе. Из-за грохота зениток и разрывов бомб заснуть было практически невозможно. Как и все остальные берлинцы в те дни, высокий тридцатидевятилетний молочник испытывал постоянную усталость.

Он понятия не имел, куда падали бомбы в ту ночь, но он точно знал, что ни одна бомба не упала вблизи больших коровников. Бесценное молочное стадо не пострадало. Казалось, ничто не тревожит этих коров. Посреди разрывов бомб и грохота зениток они безмятежно и терпеливо жевали свою жвачку и продолжали давать молоко. Погановска не переставал этому удивляться.

Рихард вяло загрузил свою старую коричневую тележку и прицеп, запряг двух своих лошадей, рыжеватых Лизу и Ганса, и, посадив на сиденье рядом с собой шпица Полди, отправился по привычному маршруту. Тележка с грохотом пересекла вымощенный булыжником двор, свернула направо, на Пацелли-Алле, и покатила на север к Шмаргендорфу. Было шесть часов утра. Только к девяти вечера Рихард закончит работу.

Измотанный, истосковавшийся по нормальному сну, Погановска не изменил своему характеру, неунывающему и резковатому, и стал чем-то вроде тонизирующего средства для 1200 клиентов. Его путь лежал по окраинам трех больших районов: Целендорфа, Шенеберга и Вильмерсдорфа. Все три серьезно пострадали от бомбежек; Шенеберг и Вильмерсдорф, расположенные ближе всего к центру города, были почти полностью уничтожены. В одном только Вильмерсдорфе было разрушено более 36 000 жилищ, и почти половина из 340 000 жителей обоих районов осталась без крыши над головой. В подобных обстоятельствах веселое лицо было редким и желанным зрелищем.

Даже в столь ранний час на каждом перекрестке Рихарда Погановска ждали люди. В те дни очереди выстраивались повсюду: к мяснику, к булочнику, даже за водой, когда бомбы попадали в водопроводные магистрали. Несмотря на то что покупатели уже ждали его, Погановска звонил в большой колокольчик, объявляя о своем прибытии. Он завел этот обычай в начале года, когда участились дневные авианалеты и он не мог больше доставлять молоко к каждому порогу. Для его покупателей и колокольчик, и сам Погановска стали неким символом.

То утро ничем не отличалось от других. Погановска приветствовал своих клиентов и скупно отмерял по продовольственным карточкам молоко и молочные продукты. С некоторыми из этих людей он был знаком почти десять лет, и они знали, что время от времени

могут рассчитывать на небольшой добавок. Манипулируя продовольственными карточками, Погановска обычно мог выкроить чуть больше молока или сливок на такие особые торжества, как крещения или свадьбы. Безусловно, это было незаконно, а потому рискованно, но всем берлинцам в эти дни приходилось рисковать.

С каждым днем покупатели Рихарда казались все более усталыми, напряженными и озабоченными. Мало кто теперь говорил о войне. Никто не знал, что происходит, и, в любом случае, никто ничего не мог изменить. И без них хватало кабинетных стратегов. Погановска не провоцировал обсуждение новостей. Погружаясь в свою пятнадцатичасовую ежедневную рутину и отгоняя мысли о войне, он, как и тысячи других берлинцев, становился почти невосприимчивым к суровой действительности.

Каждый день теперь Погановска видел определенные знаки, помогавшие ему не удариться в панику. Во-первых, дороги все еще были открыты. Во-вторых, на главных улицах не было ни контрольно-пропускных пунктов, ни противотанковых заграждений, ни артиллерийских установок или вкопанных танков, ни солдат, занявших тактически важные позиции. Ничто не указывало на то, что власти боятся атаки русских, или на то, что Берлину угрожает осада.

Была, правда, одна маленькая, но важная путеводная нить. Каждое утро, когда Погановска ехал через те кварталы Фриденау, где проживали наиболее выдающиеся граждане, он бросал взгляд на дом одного известного нациста, высокопоставленного чиновника берлинского почтового ведомства. Через открытые окна гостиной виднелась большая картина в массивной раме. Аляповатый портрет Адольфа Гитлера, надменного и самоуверенного, все еще висел на своем месте. Погановска хорошо знал повадки бюрократов Третьего рейха. Если бы ситуация действительно была критической, этот алтарь фюрера давно бы уже исчез.

Рихард тихо причмокнул, погоняя лошадей, и продолжил свой путь. Несмотря ни на что, он пока не видел оснований для чрезмерной тревоги.

Ни одной части города не удалось полностью избежать бомбардировок, но Шпандау, второй по величине и самый западный район Берлина, не испытал самого страшного – бомбового удара по площади со сплошным поражением. Ночь за ночью обитатели Шпандау ожидали массированного налета и удивлялись, не дождавшись его, ибо Шпандау был центром мощной берлинской военной промышленности.

В отличие от самых центральных районов города, разрушенных на 50–75 процентов, Шпандау потерял всего лишь десять процентов своей застройки. Хотя в эти десять процентов входило более тысячи разрушенных либо непригодных к использованию домов, по меркам закаленных бомбежками берлинцев это был всего лишь комариный укус. На обугленных пустырях центральных районов бытовала едкая поговорка: «Die Spandauer Zwerge kommen zuletzt in die Sarge» – «Маленькие шпандайчики последними доберутся до своих гробов».

На самой западной окраине Шпандау, в тихом, пасторальном Штакене, Роберт и Ингеборг Кольб благодарили судьбу за то, что живут в «тихой заводи». Сюда лишь иногда залетали бомбы, не попавшие в ближайший аэродром, и ущерб они причиняли незначительный. Двухэтажный, оштукатуренный, оранжево-коричневый дом с застекленной верандой и лужайкой с садом остался целехоньким. Жизнь супругов текла почти нормально, если только не считать, что Роберту, пятидесятичетырехлетнему техническому директору типографии, с каждым днем все труднее было добираться на работу в центр города, к тому же подвергавшийся дневным авианалетам. То есть Роберт ежедневно испивал всю чашу страданий до дна, а Ингеборг не находила себе места от тревоги.

В этот вечер чета Кольб планировала, как обычно, послушать радиопередачу Би-би-си на немецком языке, хотя это было давно запрещено. Роберт и Ингеборг пристально следили за наступлением союзников с востока и запада. С восточных окраин Берлина до позиций

Красной армии можно было бы доехать на автобусе. Однако убаюканные сельской атмосферой своего Штакена супруги считали угрозу городу неправдоподобной, война казалась им отдаленной и нереальной. Роберт Кольб был убежден, что они в полной безопасности, а Ингеборг была убеждена, что Роберт всегда прав. В конце концов, ее муж был ветераном Первой мировой войны. «Война обойдет нас стороной», – уверял жену Роберт.

Вполне уверенные в том, что, что бы ни случилось, их это не коснется, супруги Кольб спокойно смотрели в будущее.

С приходом весны Роберт размышлял, где в саду лучше повесить гамаки. У Ингеборг были свои заботы: она планировала посадить шпинат, петрушку, салат-латук и ранний картофель. У нее оставалась одна важная нерешенная проблема: посадить ранний картофель в начале апреля или подождать более устойчивых весенних дней мая.

* * *

В своем штабе, размещенном в сером оштукатуренном трехэтажном доме на окраине Ландсберга, в 25 милях от Одера, маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, сидя за письменным столом, обдумывал собственные планы. На одной из стен висела большая карта Берлина, в деталях отражавшая предложенный Жуковым план штурма столицы. На его письменном столе стояли три полевых телефона. Один – для общей связи; второй соединял его с коллегами: маршалами Константином Рокоссовским и Иваном Степановичем Коневым, командующими огромными армейскими группировками на его северном и южном флангах. Третий телефон – прямая связь с Москвой и Верховным главнокомандующим Иосифом Сталиным. Крепкий, 49-летний командующий 1-м Белорусским фронтом разговаривал со Сталиным каждый вечер в одиннадцать часов и докладывал о дневных успехах. Сейчас Жуков размышлял о том, как скоро Сталин отдаст приказ штурмовать Берлин. Он надеялся, что у него еще есть какое-то время. В случае крайней нужды он мог бы взять город немедленно, но пока был еще не совсем готов. Предварительно Жуков планировал штурм Берлина где-то на конец апреля. При благоприятном стечении обстоятельств он мог бы дойти до Берлина и подавить его сопротивление за десять – двенадцать дней. Немцы будут сражаться за каждый дюйм, этого он ожидал. Вероятно, ожесточеннее всего они будут драться на западных подступах к городу. Там, насколько он мог видеть, пролегал единственный возможный путь к отступлению для защитников города. Однако Жуков планировал ударить с двух сторон, когда немцы попытаются вырваться из кольца.

Он предчувствовал страшную бойню на первой неделе мая в районе Шпандау.

* * *

В Вильмерсдорфе, в своей квартире на втором этаже, Карл Йоганн Виберг распахнул защищенную ставнями балконную дверь, вышел на маленький балкон и осмотрелся, оценивая погоду. Подковыляли его постоянные компаньоны Дядя Отто и Тетя Эффи, две темно-каштановые таксы, и выжидательно уставились на хозяина – подошло время их утренней прогулки.

В те дни у Виберга не было практически никаких дел, кроме выгуливания собак. Всем соседям нравился сорокадевятилетний шведский бизнесмен. Они считали его, во-первых, «хорошим берлинцем» и только во-вторых – шведом: когда начались бомбежки, он не покинул город, как многие другие иностранцы. Более того, хотя Виберг никогда не жаловался на постигшие его беды, соседи знали, что он потерял почти все. Жена его умерла в 1939 году. Его фабрики по производству клея были разбомблены. После тридцати лет мелкого пред-

принимательства в Берлине у него остались лишь собаки и квартира. По мнению некоторых его соседей, Виберг был гораздо более истинным немцем, чем многие немцы.

Виберг посмотрел сверху вниз на Дядю Отто и Тетю Эффи и сказал: «Пора гулять». Он закрыл балконную дверь и прошел через гостиную в маленькую прихожую, где надел прекрасно сшитый «честерфилд», пальто в талию с бархатным воротником, и тщательно вычищенную фетровую шляпу. Открыв ящик полированного столика красного дерева, Виберг достал пару замшевых перчаток и на мгновение замер, глядя на яркую литографию в рамочке, лежавшую в ящике.

Это было изображение рыцаря в полных доспехах верхом на неистовом белом жеребце. На древке копья развевалось знамя. Под поднятым забралом шлема яростно сверкали глаза. На лоб рыцаря падала прядь волос, над верхней губой красовались тонкие черные усики. На стяге можно было прочесть: «Der Bannertrager» – «Знаменосец».

Виберг медленно закрыл ящик. Он прятал литографию, потому что это изображение Гитлера было запрещено по всей Германии. Однако Виберг не желал избавляться от нее: картинка была слишком забавной, чтобы ее выбрасывать.

Защелкнув карабины поводков, Виберг аккуратно запер за собой парадную дверь и, спустившись на два лестничных пролета, вышел на мощенную булыжником улицу. У подъезда он встретил соседей и коснулся полей шляпы в знак приветствия, а затем, с собаками на поводках, отправился в путь, осторожно обходя выбоины. Интересно, где сейчас, когда конец близок, находится «Знаменосец», размышлял Виберг. В Мюнхене? В горном «Орлином гнезде» в Берхтесгадене? Или здесь, в Берлине? Похоже, никто не знает, хотя в этом нет ничего удивительного. Местопребывание Гитлера всегда держалось в большом секрете.

В это утро Виберг решил заглянуть в свой любимый бар, к Гарри Россу в доме номер 7 по Несторштрассе. Клиентура бара была довольно пестрой: нацистские шишки, офицеры и кучка бизнесменов. Здесь велись неспешные беседы и можно было узнать последние новости: куда ночью падали бомбы, какие фабрики разрушены, как Берлин все это выдерживает. Вибергу нравилось встречаться со старыми друзьями в дружеской обстановке, и его интересовали все аспекты войны, особенно результаты бомбардировок и моральный дух немецкого народа. В особенности ему хотелось узнать, где находится Гитлер. Перейдя улицу, Виберг снова поприветствовал старого знакомого. По правде говоря, Виберг знал кое-какие ответы на интересующие его вопросы, что сильно удивило бы его соседей, ибо этот швед, которого считали истинным немцем по духу, был также сотрудником сверхсекретного американского Управления стратегических служб. Он был шпионом союзников.

Доктор Артур Лекшейдт, протестантский пастор Меланхтонской церкви в Крейцберге, был охвачен горем и отчаянием. Его церковь, готическая, с двумя шпилями, была разрушена, а паства рассеялась. Руины церкви виднелись из окон его квартиры, расположенной на первом этаже. Зажигательная бомба попала прямо в церковь, и через минуту все здание было охвачено огнем.

Прошло уже несколько недель, но горе не притупилось. Однажды в разгар налета, забыв о собственной безопасности, пастор Лекшейдт вбежал в горящую церковь. Алтарная часть величественного здания и великолепный орган были еще невредимы. Взяв по узким ступенькам на хоры, Лекшейдт думал только об одном: успеть сказать последнее прощание любимому органу и церкви. С глазами полными слез доктор Лекшейдт играл свою прощальную песню. Изумленные пациенты ближайшей городской больницы и жители, укрывшиеся в подвалах соседних домов, слышали, как под аккомпанемент рвущихся над Крейцбергом бомб меланхтонский орган исполняет гимн «В жесточайшей нужде я взываю к Тебе».

Сейчас пастор тоже прощался, но прощание его было другого рода. Перед ним на письменном столе лежал черновик письма к тем его многочисленным прихожанам, которые

покинули город или служили в армии. «В то время, как сражения на востоке и западе держат нас в постоянном напряжении, – писал пастор, – немецкая столица подвергается непрерывным воздушным налетам... вы можете представить, дорогие друзья, какой богатый урожай собирает смерть. Гробов не хватает. Одна женщина рассказала мне, что предложила двадцать фунтов меда за гроб для своего погибшего мужа». Выводя следующие строки, доктор Лекшейдт испытывал не только скорбь, но и гнев. «Нас, священников, не всегда призывают на похороны жертв авианалетов. Часто партия проводит похороны без священника... без Божьего слова». Снова и снова пастор описывал разрушения города. «Вы не представляете, как выглядит теперь Берлин. Прекраснейшие здания превратились в руины... У нас часто нет ни газа, ни света, ни воды. Бог спасает нас от голода! На черном рынке продукты стоят неимоверно дорого». Заканчивалось письмо на горькой, безнадежной ноте: «Не знаю, когда снова смогу передать вам весточку. Вероятно, скоро все связи будут разорваны. Увидимся ли мы когда-нибудь? Все в руках Божьих».

Другой священник, отец Бернхард Хаппих, целенаправленно пробирался на велосипеде по заваленным обломками улицам Далема. Уже несколько недель его беспокоила одна деликатная проблема. Ночь за ночью он просил у Бога совета и размышлял, как поступить. Теперь решение было принято.

Услуги священников пользовались огромным спросом, но особенно справедливым это утверждение было в отношении отца Хаппиха. 55-летний священник, поперек удостоверения личности которого было проштемпелевано «Иезуит: не пригоден к военной службе» (подобное нацистское клеймо предназначалось для евреев и прочих опасных, подозрительных личностей), был еще и высококвалифицированным доктором медицины. У отца Хаппиха было множество обязанностей, и, кроме всего прочего, он был духовным отцом Далемского дома – сиротского приюта, родильного дома и приюта для подкидышей, управляемого миссией сестер Пресвятого Сердца. Именно мать– настоятельница Кунегундес и ее паства стали причиной сомнений и принятого священником решения.

Отец Хаппих не питал никаких иллюзий на счет нацистов или исхода войны. Он давным-давно понял, что Гитлер и его жестокий «новый порядок» обречены на гибель. Теперь решительный момент стремительно приближался. Берлин в капкане и скоро окажется во власти завоевателей. Что станет с Далемским домом и его добрыми, но совершенно непрактичными сестрами?

Отец Хаппих остановился у Далемского дома. Здание было повреждено незначительно, и сестры были уверены, что их молитвы услышаны. Отец Хаппих не разубеждал их, но, будучи практичным человеком, думал, что чуду немало поспособствовали удача сестер и ошибки наводчиков.

Проходя через холл, священник поднял глаза на огромную статую в голубых с золотом одеждах: святой Михаил, предводитель небесного воинства, борец со вселенским злом, стоял высоко подняв меч. Хотя вера сестер в святого Михаила была вполне обоснованной, отец Хаппих радовался тому, что принял свое решение. Как и все остальные, он слышал рассказы беженцев, спасающихся от наступающих русских, об ужасах, творящихся на востоке Германии. Много, как он был уверен, было сильно преувеличено, но кое-что было правдой. Поэтому он решил предупредить сестер. Оставалось правильно рассчитать время и, главное, подобрать единственно верные слова. Отец Хаппих был сильно встревожен. Ну как сообщить шестидесяти монахиням и послушницам, что им грозит изнасилование?

Глава 3

Страх сексуального насилия пеленой накрыл город, ибо Берлин после почти шести лет войны был, главным образом, городом женщин.

Вначале, в 1939 году, в столице проживало 4 321 000 человек. Однако огромные боевые потери, призыв на военную службу как мужчин, так и женщин и добровольная эвакуация миллиона горожан в более безопасную сельскую местность в 1943–1944 годах сократили эту цифру более чем на треть. Теперь мужское население Берлина составляли в основном дети до восемнадцати лет и мужчины после шестидесяти. Число мужчин в возрасте от 18 до 30 лет едва достигало 100 000, и большую их часть составляли освобожденные от воинской повинности или раненые. В январе 1945 года население города оценивалось в 2 900 000 человек, но для середины марта эта цифра, безусловно, была слишком велика. После восьмидесяти пяти авианалетов менее чем за одиннадцать недель и перед лицом угрожавшей городу осады многие бежали. Военные власти теперь оценивали гражданское население Берлина в 2 700 000 человек, из которых более двух миллионов были женщины, но и эти цифры были всего лишь приблизительными, хотя и основанными на имеющейся информации.

Получение истинной цифры осложнялось колоссальным исходом беженцев из оккупированных Советами восточных областей. По некоторым данным, число беженцев достигало 500 000. Сорвавшись с насиженных мест, они тащили свои жалкие пожитки на спине, в запряженных лошадьми или ручных тележках и зачастую гнали перед собой домашних животных. Уже несколько месяцев все дороги на Берлин были забиты нескончаемым потоком гражданских лиц. Большинство из них не оставались в столице, а двигались дальше на запад, но за ними тянулся шлейф кошмарных историй; их рассказы о пережитом распространялись по Берлину, как эпидемия, заражая многих горожан смертельным страхом.

Беженцы рассказывали о мстительном, свирепом и мародерствующем завоевателе. Люди, бегущие от польской границы или из оккупированных районов Восточной Пруссии, Померании и Силезии, создавали образ врага, не ведавшего снисхождения. Беженцы утверждали, что русская пропаганда подстрекает Красную армию не щадить никого. Они рассказывали о манифесте, якобы написанном главным советским пропагандистом Ильей Эренбургом. Манифест распространялся в Красной армии по радио и через листовки. «Убивайте! Убивайте! – призывал манифест. – В немецкой расе нет ничего, кроме зла!.. Следуйте указаниям товарища Сталина. Истребите фашистского зверя в его берлоге раз и навсегда! С помощью силы сломите расовую гордость немецких женщин. Возьмите их, как ваш законный трофей. Убивайте! Штурмуйте и убивайте! Вы – доблестные солдаты Красной Армии!»¹

¹ Я не видел эту листовку Эренбурга. Однако ее видели многие из тех, кого я интервьюировал. Более того, она неоднократно упоминалась в немецких газетах, военных дневниках и бесчисленных историях. Наиболее полная ее версия появилась в «Мемуарах» адмирала Деница, с. 179. Я не сомневаюсь в том, что эта листовка действительно существовала, но я подвергаю сомнению ее интерпретацию, ибо общеизвестно, что немецкие переводы с русского были неточными. Однако Эренбург писал и другие памфлеты, такие же безнравственные, в чем может убедиться любой, ознакомившись с его произведениями, особенно с теми, что были официально опубликованы на английском языке во время войны самими Советами в «Советских военных новостях», 1941–1945, тома 1–8. Тема «Убивайте немцев» повторялась Эренбургом снова и снова, видимо с одобрения Сталина. 14 апреля 1945 года в беспрецедентной передовице советской военной газеты «Красная звезда» Эренбург получил официальный упрек от шефа пропаганды Александрова: «Товарищ Эренбург преувеличивает... мы боремся не против немецкого народа, а только против гитлеров всего мира». Подобный упрек был бы губительным для любого другого советского писателя, но не для Эренбурга. Он продолжал свою пропаганду «Убивайте немцев», как будто ничего не случилось, и Сталин закрыл на это глаза. В пятом томе своих мемуаров «Люди, годы и жизнь», изданных в Москве в 1963 году, Эренбург предпочел забыть, к чему призывал во время войны. На странице 126 он пишет: «В десятках статей я подчеркивал, что мы не должны и не можем травить народ, что мы, в конце концов, советские люди, а не фашисты». Однако необходимо отметить следующее: что бы ни писал Эренбург, это было не хуже того, что издавал шеф нацистской пропаганды Геббельс, – факт, который многие немцы тоже предпочли забыть.

Беженцы рассказывали, что передовые части Красной армии дисциплинированы и сдержанны, но следующие за ними вспомогательные войска – дезорганизованная толпа. Во время диких пьяных оргий эти красноармейцы убивают, грабят и насилюют. Многие русские командиры, как заявляли беженцы, похоже, закрывают глаза на действия своих людей. Во всяком случае, они не пытаются их останавливать. Все, от крестьян до мелкопоместного дворянства, сообщали одно и то же, и везде в потоке беженцев были женщины, рассказывавшие истории о жестоком насилии, от которых кровь стыла в жилах: под дулом пистолета их заставляли раздеваться догола и многократно насиловали.

Сколько здесь было вымысла, а сколько правды? Этого берлинцы не знали. Зато те, кто знал о зверствах и массовых убийствах, совершенных немецкими войсками СС в России, а таких были тысячи, боялись, что эти истории правдивы. Те, кто знал о том, что происходило с евреями в концентрационных лагерях, – еще один ужасающий аспект национал-социализма, о котором свободному миру только предстояло узнать, – тоже верили беженцам. Эти наиболее информированные берлинцы вполне могли поверить в то, что угнетатель превращается в угнетаемого, что колесо возмездия завершает полный оборот. Многие из тех, кто представлял масштаб преступлений Третьего рейха, не собирались рисковать. Высокопоставленные чиновники и партийные функционеры потихоньку вывезли из Берлина свои семьи или как раз занимались этим.

В городе оставались фанатики и простые берлинцы, менее осведомленные и не представляющие реальной ситуации. Они не могли или не желали покинуть Берлин. «О, Германия, Германия, мой фатерланд, – писала Эрна Зенгер, 65-летняя домохозяйка, мать шестерых детей, в своем дневнике. – Доверие приносит разочарование. Преданно верить значит быть глупым и слепым... но... мы останемся в Берлине. Если все сбегут, как наши соседи, враг получит желаемое. Нет... такого поражения мы не хотим».

Мало кто из берлинцев мог бы утверждать, что не подозревает о сути опасности. Почти все слышали истории беженцев. Одна супружеская пара, Хуго и Эдит Нойман из Крейцберга, была проинформирована по телефону. Их родственники, проживавшие в оккупированной русскими зоне, рискуя своими жизнями, незадолго до того, как была прервана всякая связь, предупредили Нойманов о том, что победители безудержно насилюют, убивают и грабят. Однако Нойманы остались в столице. Фабрика Хуго была разбомблена, но бросить ее казалось невыносимым.

Другие пропускали страшные рассказы мимо ушей, потому что больше не верили или почти не верили ни информации, распространяемой беженцами, ни правительственной пропаганде. С того момента, как в 1941 году Гитлер отдал приказ о неспровоцированном вторжении в Россию, на немцев обрушился неослабевающий огонь пропаганды, разжигающей ненависть. Советские люди представлялись нецивилизованными недочеловеками. Когда события приняли иной оборот и русские погнали вспять немецкие войска на всех фронтах, доктор Йозеф Геббельс, хромоногий шеф пропаганды рейха, приумножил свои усилия, особенно в Берлине.

Помощник Геббельса, доктор Вернер Науман, в частной беседе признался, что «наша пропаганда относительно русских и того, что населению следует ожидать от них в Берлине, была так успешна, что мы довели берлинцев до состояния крайнего ужаса». К концу 1944 года Науман почувствовал, что «мы перестарались – наша пропаганда рикошетом ударила по нас самих».

Теперь тон пропаганды изменился. В то время как от империи Гитлера отрывали кусок за куском, а Берлин разрушали квартал за кварталом, Геббельс переключился с запугивания на подбадривание; теперь людям говорили, что победа поджидает за ближайшим поворотом. Реально Геббельсу удалось лишь пробудить в пестром по национальному составу Берлине чувство черного юмора, которое приняло форму грубых насмешек берлинцев над собой,

своими вождями и всем светом. Берлинцы быстро переиначили девиз Геббельса «Фюрер приказывает, мы следуем» в «Фюрер приказывает, мы терпим то, что следует». Что касалось обещаний окончательной победы, непочтительные убеждали всех «наслаждаться войной, потому что мир будет ужасен».

В атмосфере ужаса, на грани паники, нагнетаемой рассказами беженцев, действительность искажалась и слухи побеждали факты и здравый смысл. По городу ползли жуткие истории о кошмарнейших зверствах. Русских описывали узкоглазыми монголами, безжалостно и без раздумий убивающими женщин и детей. Говорили, что священников заживо сжигают огнеметами, монахинь насилуют, а потом голыми гоняют по улицам. Пугали, что женщин превращают в проститутку, переезжающих вслед за воинскими частями, а мужчин отправляют на каторгу в Сибирь. Даже по радио как-то передали, что русские прибавляли языки жертв к столам. Менее впечатлительные считали эти истории слишком фантастическими.

Находились и те, кто точно знал, что грядет. Знала правду и пятидесятипятiletняя врач Анна Мария Дюранд-Вевер, выпускница Чикагского университета и одна из самых известных в Европе врачей-гинекологов, знаменитая также своими антинацистскими взглядами (она была автором многих книг, в которых боролась за права женщин, равенство полов и контроль рождаемости – за все, что было запрещено нацистами). Она убеждала пациенток своей частной клиники бежать из Берлина, поскольку, осмотрев огромное количество женщин-беженек, пришла к выводу, что в отношении изнасилований реальность гораздо страшнее слухов.

Сама доктор Дюранд-Вевер намеревалась остаться в Берлине, но теперь она повсюду носила с собой маленькую капсулу с быстродействующим цианидом. Проработав врачом много лет, она сомневалась, сможет ли покончить жизнь самоубийством, но капсулу в сумочке все же носила. Она верила, что если русские возьмут Берлин, то каждой женщине от восьми до восьмидесяти лет грозит изнасилование.

Доктор Маргот Зауэрбрух была потрясена количеством беженек – в том числе и не подвергшихся сексуальному насилию, которые пытались совершить самоубийство. В ужасе от того, что они слышали или чему были свидетелями, многие вскрывали себе вены. Некоторые даже пытались убить своих детей. Скольким действительно удалось покончить с собой, никто не знал – доктор Зауэрбрух видела только тех, кто пытался. Однако становилось очевидным, что, если русские захватят город, по нему прокатится волна самоубийств.

Большинство врачей соглашались с этим мнением. Хирург Гюнтер Лампрехт из Вильмерсдорфа записал в своем дневнике: «...главная тема – даже среди врачей – техника самоубийства. Разговоры подобного рода становятся невыносимыми».

И это были не просто разговоры. Смертельные планы уже осуществлялись. В каждом районе Берлина врачей осаждали пациенты и друзья, жаждущие получить информацию о наиболее быстром способе самоубийства и выпрашивающие рецепты на яды. Когда врачи отказывались помочь, люди обращались к аптекарям. Тысячи обезумевших от страха берлинцев принимали решение умереть любым способом, но не сдать Красной армии.

«Как только я увижу первую пару русских сапог, я покончу с собой», – поверяла по секрету своей подруге Юлиане Боник двадцатилетняя Криста Мойнир. Криста уже раздобыла яд, как и другая подруга Юлианы Розы Хоффман и ее родители. Хоффманы пребывали в подавленном состоянии и не ждали от русских пощады. В то время Юлиана не знала, что Хоффманы – родственники рейхсфюрера Генриха Гиммлера, шефа гестапо и СС, человека, ответственного за массовые убийства миллионов заключенных в концентрационных лагерях.

Предпочтительным средством самоуничтожения был яд, главным образом цианид. Особым спросом пользовался тип капсул, известный как пилюля «КСВ». Это концентриро-

ванное цианистоводородное соединение было таким сильнодействующим, что смерть наступала почти мгновенно – даже пары его могли убить. С чисто немецкой предусмотрительностью некое правительственное учреждение запасло в Берлине огромные количества этого вещества.

Нацистские функционеры, старшие офицеры, руководители правительственных департаментов и чиновники меньшего масштаба могли без труда достать этот яд для себя, своих родственников и знакомых. Врачи, аптекари, стоматологи и сотрудники лабораторий также имели доступ к пилюлям или капсулам. Некоторые даже усиливали их действенность. Рудольф Хюкель, профессор патологии Берлинского университета и самый известный в городе патолог– онколог, добавил в цианидовые капсулы для себя и своей жены уксусную кислоту. Он уверил жену, что уксусная кислота ускорит действие цианида.

Некоторые берлинцы, которым не удалось достать быстродействующий цианид, запасали барбитураты или производные цианида. Комедийный актер Хайнц Рюман, которого часто называли «немецким Дэнни Кеем», так боялся за свою красавицу жену, актрису Герту Файлер, и маленького сына, что на всякий случай спрятал в цветочном горшке жестяную банку с крысиным ядом. Бывший посол нацистской Германии в Испании, генерал-лейтенант в отставке Вильгельм Фаупель планировал отравить себя и свою жену большой дозой лекарства. У генерала было больное сердце. Во время приступов он принимал возбуждающее средство, содержащее дигиталис. Фаупель знал, что слишком большая доза вызовет остановку сердца и все закончится очень быстро. Он даже сделал запас лекарства для своих друзей.

Некоторым людям самым лучшим и смелым выходом из ситуации казалась последняя пуля. Однако, как ни удивительно, ошеломляющее число женщин, в основном пожилых, выбрало самый кровавый путь – бритву. В семье Кецлер из Шарлоттенбурга Гертруда, сорокадвухлетняя и в обычных обстоятельствах веселая женщина, носила в своей сумочке бритвенное лезвие, так же как ее сестра и свекровь. Подруга Гертруды Инге Рюхлинг также имела бритву, и обе женщины часто обсуждали, какой способ ухода из жизни надежнее – перерезать запястья поперек артерий или вдоль.

Правда, оставался шанс, что столь радикальные меры не понадобятся. Большинство берлинцев все еще лелеяли последнюю надежду. В страхе перед Красной армией подавляющее большинство населения, особенно женщины, теперь отчаянно желали захвата Берлина англо-американскими войсками.

* * *

Время близилось к полуночи. В глубоком тылу русских войск, в городе Бромберге, капитан Сергей Иванович Голбов обвел мутным взглядом большую гостиную роскошной квартиры на третьем этаже, которую он и два других военных корреспондента только что «освободили». Голбов и его друзья были пьяны и веселы. Каждый день они мотались к линии фронта в девяноста милях от штаб-квартиры в Бромберге за новостями, но на данный момент все было тихо; до начала штурма Берлина никаких интересных событий не ожидалось. Так что после долгих месяцев сбора материалов на передовой двадцатипятилетний красавец Голбов наслаждался жизнью.

С бутылкой в руке он стоял посреди гостиной, разглядывая богатую обстановку. Ничего подобного он никогда раньше не видел. Огромные картины в массивных золоченых рамах украшали стены. На окнах – атласные шторы. Диваны и кресла обиты дорогой парчой. Полы застелены толстыми турецкими коврами, с потолков гостиной и столовой свисают огромные хрустальные люстры. Голбов не сомневался в том, что владелец квартиры – какой–нибудь важный нацист.

В конце гостиной Голбов заметил приоткрытую дверь и распахнул ее. За дверью оказалась ванная комната. На вбитом в стену крюке, на веревке висело тело нацистского чиновника в полной форме. Голбов мельком взглянул на труп. Он видел тысячи мертвых немцев, но это висящее тело выглядело глупо. Голбов позвал товарищей и не получил ответа. Они развлекались в столовой – бросали хрустальную посуду, немецкую и венецианскую, в люстру и друг в друга.

Голбов вернулся в гостиную, намереваясь отдохнуть на длинном диване, но обнаружил, что диван уже занят. Там лежала мертвая женщина в длинном, похожем на греческую тунику платье с украшенным кисточками поясом. Она была совсем юной и, похоже, тщательно подготовилась к смерти. Волосы, заплетенные в косы, спускались на плечи. Руки были сложены на груди. Нежно обнимая бутылку, Голбов опустил в кресло и уставился на женщину. Из столовой доносились смех и звон бьющегося стекла. Девушке было чуть больше двадцати, и, судя по синеватым пятнам на ее губах, она приняла яд.

За диваном, на котором лежала покойница, стоял столик с фотографиями в серебряных рамках – улыбающиеся дети с молодой парой, видимо их родителями, и пожилая пара. Голбов подумал о своей семье. Во время блокады Ленинграда его мать и отец, умиравшие от голода, пытались сварить суп из чего-то вроде машинного масла, и этот суп убил их обоих. Один его брат погиб в первые дни войны. Другой, тридцатичетырехлетний Михаил, командир партизанского отряда, был схвачен эсэсовцами, привязан к столбу и сожжен заживо. Девушка, лежавшая на диване, умерла вполне безмятежно. Голбов глотнул из бутылки, приблизился к дивану, поднял покойницу на руки и подошел к окнам. За его спиной под взрыв смеха с грохотом обрушилась на пол хрустальная люстра. Голбов сам разбил не меньше стекла, швырнув мертвое тело прямо в закрытое окно.

Глава 4

Берлинцы теперь с жаром говорили о британцах и американцах не как о завоевателях, а как об «освободителях». Экстраординарное изменение отношения к западным союзникам и соответствующие настроения приводили к любопытным результатам.

Мария Кеклер из Шарлоттенбурга упрямо не верила в то, что американцы и британцы позволят русским захватить Берлин. Она даже преисполнилась решимости помочь западным союзникам. Сорокапятилетняя седовласая домохозяйка сказала друзьям, что «готова сражаться и удерживать красных до подхода «друзей».

Многие берлинцы справлялись со своими страхами, слушая радиопередачи Би-би-си и отмечая каждую фазу сражений, бушевавших на крошащемся Западном фронте, так, будто они следили за маршем победоносной немецкой армии, устремившейся спасти Берлин.

Бухгалтер Маргарета Шварц ночь за ночью между авианалетами вместе со своими соседями детально планировала англо-американский бросок через Западную Германию. Каждая завоеванная миля казалась ей чуть ли не еще одним шагом к освобождению. Похожие чувства испытывала и Лизе-Лотта Равене. В своей заставленной книжными шкафами квартире в Темпельхофе она тщательно отмечала карандашом на большой карте каждый успех американцев и страстно желала им скорейшего продвижения. Фрау Равене не хотелось думать о том, что может случиться, если первыми в Берлин войдут русские. Она была полуинвалидом – стальные скобы охватывали ее бедра и правую ногу.

Тысячи людей были уверены в том, что первыми в Берлин войдут американцы. Их вера была по-детски наивной, смутной и непрочной.

Фрау Аннемария Хюкель, жена профессора патологии, начала рвать старые нацистские флаги на бинты для великого сражения, которое она ожидала в день прихода американцев. Двадцатилетняя Бригитта Вебер, всего три месяца назад вышедшая замуж, тоже не сомневалась в скором приходе американцев и думала, что точно знает, где они захотят разместиться. Как слышала Бригитта, американцы любят комфорт и красивые вещи. Разумеется, они тщательно выбрали фешенебельный жилой район Николасзе. Сюда не упала ни одна бомба.

Многие, надеясь на лучшее, готовились к худшему. Здравомыслящая Пия ван Хэвен и ее друзья Руби и Эберхард Боргман неохотно пришли к заключению, что только чудо не позволит русским первыми войти в Берлин. Поэтому они ухватились за приглашение их доброго друга, веселого толстяка Генриха Шелле присоединиться к нему и его семье, когда начнется сражение за город. Шелле был хозяином одного из самых известных винных магазинов и ресторанов Берлина, расположенного на первом этаже дома, где жили Боргманы. Шелле превратил один из своих подвалов в отличное убежище с восточными коврами, портьерами и провизией, чтобы пережить осаду. Продуктов было немного, в основном картофель и консервированный тунец, зато в соседнем подвале хранились обильные запасы самых редких и изысканных вин, немецких и французских, коньяка «Хеннесси» и шампанского. «Раз уж придется ждать один бог знает чего, с тем же успехом можно ждать в комфорте, – сказал друзьям Шелле, а потом добавил: – Если закончится вода, у нас останется шампанское».

Бидди Юнгмиттаг, 41-летняя мать двух юных дочерей, думала, что все разговоры о приходе американцев и британцев «просто вздор». Она была англичанкой, вышедшей замуж за немца, и очень хорошо знала нацистов. Ее мужа, заподозренного в принадлежности к немецкой группе Сопротивления, казнили пять месяцев назад. Бидди считала, что нацисты будут так же ожесточенно сражаться против западных союзников, как и против русских, и ей хватало одного взгляда на карту, чтобы понять: вряд ли англо-американские войска войдут в Берлин первыми. Однако неминуемое наступление Красной армии не слишком тревожило

Бидди. Ее они тронуть не посмеют. Разумная англичанка Бидди собиралась показать первым же встреченным русским свой старый британский паспорт.

Были среди берлинцев и те, кто полагал, что для защиты им не нужны никакие документы. Они с нетерпением ждали момента, когда смогут приветствовать русских в Берлине. Этот момент стал бы воплощением в жизнь мечты, ради которой эти немногочисленные группы немцев строили планы и работали большую часть своей жизни. Преследуемые и разыскиваемые гестапо и уголовной полицией, лишь немногие закаленные испытаниями ячейки сумели уцелеть. Немецкие коммунисты и их сторонники нетерпеливо ждали спасителей с востока.

Коммунисты Берлина были преданы делу свержения гитлеризма, однако они были так разбросаны, что не могли принести ощутимую пользу, во всяком случае западным союзникам. Коммунистическое подполье действительно существовало, но получало приказы только из Москвы и работало исключительно как советская шпионская сеть.

Хильдегард Радус, с 1927-го по 1932 год депутат Берлинского законодательного собрания от коммунистической партии, сейчас жила почти верой единой. Полуголодная, замерзшая, она с несколькими другими коммунистами скрывалась в убежище близ деревни Прирос на юго-восточной окраине Берлина. Вместе с подругой Эльзе (Эдди) Клопч она жила в большом деревянном ящике из-под оборудования десять на восемь футов на цементном основании. Там не было ни газа, ни электричества, ни воды, ни туалета, но для сорокадвухлетней Хильдегард (которая называла себя «мужчиной в доме») это было идеальное убежище.

Хильдегард и Эдди жили вместе с 1939 года, а в Приросе скрывались почти десять месяцев. Хильдегард фигурировала в списке разыскиваемых нацистами преступников, но ей все время удавалось перехитрить гестаповцев. Самой главной проблемой Хильдегард, как и других коммунистов, была еда. Подача заявления на продовольственные карточки означала немедленное разоблачение и арест. К счастью, Эдди, хотя и сочувствовала коммунистам, в розыске не числилась и каждую неделю получала паек. Однако этого скудного пайка едва хватало для одного человека. (Официальная газета нацистов «Вёлькишер беобахтер» напечатала недельную норму выдачи продуктов для взрослого: четыре с четвертью фунта хлеба, два фунта мяса и колбас, пять унций жиров, пять унций сахара. Кроме этого каждые три недели выдавались две с четвертью унции сыра и три с половиной унции эрзац-кофе.) Иногда обеим женщинам удавалось пополнить свой рацион за счет осмотрительных покупок на черном рынке, но цены там были чрезмерными: кофе, например, стоил от ста до двухсот долларов за фунт.

Хильдегард постоянно терзалась двумя мыслями: о еде и освобождении Красной армией. Но ожидание давалось нелегко, и даже простое выживание с каждым месяцем становилось все труднее, как она методично отмечала в своем дневнике.

13 февраля Хильдегард написала: «Русские давно должны быть здесь... собаки до меня еще не добрались».

18 февраля: «С 7 числа никаких известий от Жукова о Берлинском фронте, а мы отчаянно ждем их прихода. Скорее, товарищи, чем быстрее вы придете сюда, тем быстрее закончится война».

24 февраля: «Была сегодня в Берлине. Кофе из термоса, ломтик сухого хлеба. Трое мужчин подозрительно смотрели на меня. Такое утешение, что Эдди рядом со мной. Все равно есть нечего. Эдди ходила достать сигарет по продовольственной карточке, которую она купила на черном рынке, — по ней дают десять сигарет. Сигарет в магазине не было, так что она взяла пять сигар. Она надеялась обменять шелковое платье и две пары чулок на что-нибудь съедобное. Ничего не вышло. Нет даже хлеба с черного рынка».

25 февраля: «Три сигары выкурены. Все еще никаких официальных сообщений от Жукова. И от Конева тоже».

27 февраля: «Я вся извелась от ожидания. Для человека, которому не терпится взяться за работу, торчать в этой клетке – катастрофа».

19 марта: «В полдень мы пировали – картошка с солью. Вечером поджарили картофельные оладьи на рыбьем жире. Вкусно».

И в первый весенний день Хильдегард все еще ждала и записывала в своем дневнике: «схожу с ума от голода». О русском фронте все так же ничего не было известно. Единственные новости, о которых она смогла написать, это то, что «ветры уносят зиму, светит солнце и воздух прогрелся. Обычные авианалеты... судя по звуку разрывов, самолеты приближаются к нам». И позже она отмечает, что западные союзники стоят на Рейне и, по ее мнению, «могут быть в Берлине через двадцать дней». Хильдегард с горечью замечает, что берлинцы предпочитают освободителей из капиталистических стран, и надеется, что русские поторопятся и к Пасхе Жуков начнет наступление.

Примерно в двадцати пяти милях к северу от Прироса в Нойенхагене на восточной окраине Берлина еще одна коммунистическая ячейка томилась в ожидании. Ее члены тоже жили в постоянном страхе перед арестом и смертью, но они были более активны и лучше организованы, чем их товарищи в Приросе, и более удачливы: они находились всего в тридцати пяти милях от Одера и ожидали, что их район будет одним из первых захвачен русской армией.

Члены этой группы работали каждую ночь под самым носом гестапо, готовясь к освобождению. Они знали имена и местонахождение всех местных нацистов, эсэсовцев и гестаповцев. Они знали, кто станет сотрудничать, а кто – нет. Некоторых намечали для немедленного ареста, других – для ликвидации. Эта группа была так хорошо организована, что даже составила детальные планы будущего управления районом.

Все члены этой ячейки с нетерпением ждали прихода русских и были уверены, что их рекомендации будут приняты. Однако никто не ждал так нетерпеливо, как Бруно Царцки. Он так мучился язвой желудка, что почти не мог есть, но все говорил, что в тот день, когда придет Красная армия, его язва зарубцуется; он был в этом уверен.

Невероятно, но по всему Берлину в крохотных комнатенках и чуланах, в сырых подвалах и душных чердаках некоторые из самых ненавидимых и преследуемых жертв нацизма цеплялись за жизнь и ждали того дня, когда смогут выйти на свет Божий. Им не важно было, кто придет первым, лишь бы кто-нибудь пришел, и поскорее. Некоторые жили по двое и по трое, некоторые – семьями, некоторые – даже маленькими колониями. Большинство друзей считало их мертвыми, и в каком-то смысле они были мертвецами. Некоторые годами не видели солнца, не ходили по берлинским улицам. Они не могли позволить себе заболеть, ибо вызов врача означал неминуемые вопросы и возможное разоблачение. Даже в самые страшные бомбардировки они оставались в своих закутках, так как в бомбоубежище их немедленно бы выследили. Они сохраняли ледяное спокойствие, поскольку давным-давно научились не ударяться в панику. Они были живы только потому, что умели теперь подавлять почти все чувства. Они были находчивы и упорны – и после шести лет войны и почти тринадцати лет страха в самой столице гитлеровского рейха их выжило почти три тысячи. Им удалось уцелеть благодаря мужеству большей части берлинских христиан, ни один из которых не получил адекватной благодарности за то, что защищал самых презираемых козлов отпущения нового порядка – евреев².

² Приблизительное число выживших евреев взято из данных берлинского сената, подготовленных доктором Вольфгангом Шеффлером из Берлинского свободного университета. Эта цифра оспаривается некоторыми еврейскими экспертами,

Зигмунду и Маргарет Велтлингер было под шестьдесят. Они прятались в крохотной квартирке на первом этаже в Панкове. Рискуюя собственными жизнями, их выпустила семья Меринг, последователи учения «Христианская наука» («Христианская наука» – религиозная организация и этическое учение. – *Пер.*). Чета Меринг, две их дочери и Велтлингеры жили в двухкомнатной квартире. Естественно, там было очень тесно. Однако Меринги делились с Велтлингерами своими пайками и всем остальным и никогда не жаловались. Только один раз за многие месяцы Велтлингеры отважились выйти на улицу: им пришлось рискнуть, поскольку у Маргарет разболелся зуб. К счастью, стоматолог, удаливший зуб, поверил объяснению Маргарет, будто она «приехавшая в гости кузина».

Им везло до 1943 года. Хотя Зигмунда прогнали с фондовой биржи в 1938 году, вскоре его пригласили выполнять особые задания для Бюро еврейской общины в Берлине. В те дни бюро, которым руководил Генрих Шталь, регистрировало состояния и собственность евреев; позже оно пыталось вести переговоры с нацистами об облегчении страданий евреев в концентрационных лагерях. И Шталь и Велтлингер понимали, что закрытие бюро – всего лишь вопрос времени, но храбро продолжали работать. Гестапо закрыло бюро 28 февраля 1943 года. Шталь исчез в концентрационном лагере Терезиенштадт, а Велтлингерам было приказано переселиться в «еврейский дом» на шестьдесят семей в Рейникендорфе. До темноты Велтлингеры оставались в том доме, а затем, споров с пальто звезды Давида, ускользнули в ночь. С тех пор они жили с Мерингами.

В течение двух лет они могли видеть только клочок неба, стиснутый соседними домами, и единственное дерево, которое росло в темном дворике за кухонным окном. В их заточении это дерево служило им календарем. Маргарет была в отчаянии. «Дважды мы видели, как наш каштан покрывается снегом, – говорила она мужу. – Дважды его листья чернели, а теперь он снова в цвету. Неужели еще год нам придется провести, прячась? Может быть, Бог покинул нас?»

Зигмунд утешал ее, говорил, что им есть ради чего жить: их двое детей – семнадцатилетняя дочь и пятнадцатилетний сын – в Англии. Велтлингеры не видели детей с 1938 года, когда Зигмунд устроил их выезд из Германии. Открывая Ветхий Завет, он обращался к девяносто первому псалму и медленно читал: «Тысяча падет около тебя и десять тысяч у твоей правой руки, но никто не приблизится к тебе». Им оставалось лишь ждать. «Бог с нами, – говорил Зигмунд жене. – Поверь мне, день освобождения близок».

За предыдущий год более четырех тысяч евреев были арестованы гестаповцами на улицах Берлина. Многие из тех евреев рискнули жизнью, потому что больше не могли выдерживать заточения в замкнутом пространстве.

Двадцатилетний Ганс Розенталь все еще прятался в Лихтенберге и был полон решимости держаться до конца. Двадцать шесть месяцев он провел в помещении в шесть футов длиной и пять футов шириной. На самом деле это было что-то вроде сарайчика для инструментов, пристроенного к дому, которым владел старый друг матери Ганса. Положение Ганса все еще оставалось опасным. Его родители умерли, и в шестнадцать лет он попал в трудовой лагерь. В марте 1943 года Ганс бежал из лагеря, без документов на поезде добрался до Берлина и нашел приют у друга своей матери. В его крохотном убежище не было ни воды, ни света, а вместо уборной у него был лишь старый ночной горшок. Ганс выливал его по ночам во время авианалетов – только в это время он отваживался покинуть свое убежище.

в частности, Зигмундом Велтлингером, который был председателем комиссии по делам евреев в послевоенном правительстве. Он считает, что выжило всего 1400 евреев. Доктор Шеффлер утверждает, что по меньшей мере еще 5100 евреев, состоявших в браке с христианами, жили в городе на так называемых «законных основаниях». Но в лучшем случае это была кошмарная неопределенность, ибо эти евреи все время ожидали ареста. В настоящее время в Берлине живет 6000 евреев – ничтожная цифра по сравнению со 160 564 евреями, проживавшими в Берлине в 1933 году, в том году, когда Гитлер пришел к власти. Никто не знает точно, сколько берлинцев-евреев покинули город, эмигрировали из Германии или были депортированы и уничтожены в концентрационных лагерях.

В сарайчике стояла лишь узкая кровать, однако у Ганса была Библия, маленький радиоприемник, а на стене – тщательно размеченная карта. Как ни ждал он западных союзников, ему казалось, что Берлин возьмут русские. Хотя это означало для него освобождение, он тревожился, но успокаивал себя, повторяя снова и снова: «Я еврей. Я пережил нацистов, переживу и Сталина».

В том же районе, в одном из подвалов Карлсхорста, Йоахим Лифшиц жил под защитой Отто Крюгера. Вообще – то в подвале Крюгера было тихо, но иногда Йоахиму казалось, что он слышит отдаленный рокот русских орудий. Этот звук был тихим и приглушенным, как шорох гальки на морском берегу. Йоахим относил это на счет своего воображения – русские были еще слишком далеко. И все же он был знаком с русской канонадой. Сын еврейского врача и немецкой аристократки, он был призван в армию вермахта и в 1941 году потерял на Восточном фронте руку. Однако служба Германии не спасла Йоахима – его преступление состояло в том, что он наполовину был евреем. В апреле 1944 года его внесли в списки подлежащих заключению в концентрационном лагере. С того момента он скрывался.

Двадцатисемилетний Йоахим размышлял о том, что может случиться с приближением кульминации. Каждый вечер старшая дочь Крюгеров Элеонора спускалась в подвал, чтобы обсудить виды на будущее. Йоахим и Элеонора любили друг друга с 1942 года. Элеонора не делала секрета из их отношений, и ей запретили посещать университет из-за связи с «неподходящей» персоной. Теперь они с нетерпением ждали того дня, когда смогут пожениться. Элеонора не сомневалась, что нацисты – военные банкроты, и крах их близок. Йоахим думал иначе: немцы будут сражаться до конца, и Берлин наверняка превратится в поле битвы, может быть, в новый Верден. Молодые люди также не сходились во мнении о том, кто возьмет город. Йоахим считал, что русские, а Элеонора – что британцы и американцы. Йоахим полагал, что надо быть готовыми к любому повороту событий, поэтому Элеонора учила английский, а Йоахим овладевал русским.

Никто так страстно не ждал падения Берлина, как Лео Штернфельд, его жена Агнес и их двадцатитрехлетняя дочь Аннемария. Штернфельды не прятались, так как семья их была протестантской. Однако мать Лео была еврейкой, так что нацисты классифицировали его как полуеврея. В результате Лео и его семья всю войну мучались неопределенностью. Гестапо играло с ними, как кошка с мышкой. Им было дозволено жить там, где они хотели, но над ними все время висела угроза ареста.

С приближением фронта к Берлину опасность усиливалась, и Лео с трудом поддерживал моральный дух своих женщин. Накануне ночью бомба разрушила почтовое отделение по соседству, однако Лео нашел в себе силы пошутить. «Тебе больше не придется далеко ходить за почтой, – сказал он жене. – Почтовое отделение лежит на твоём пороге».

Гестапо определило бывшего бизнесмена Лео Штернфельда в мусорщики. Покидая в это мартовское утро свой дом в Темпельхофе, Лео понял, что слишком долго откладывал осуществление своих планов. Теперь уже невозможно было бежать из Берлина, и не осталось времени на то, чтобы найти убежище. Если Берлин не возьмут в следующие несколько недель, они обречены. Лео по секрету сообщили, что на 19 мая гестапо наметило облаву на всех, в ком есть хоть капля еврейской крови.

* * *

Далеко на западе в штабе 2-й британской армии в Вальбеке рядом с датской границей старший офицер медицинской службы, бригадир Хуг Глин Хьюз пытался спрогнозировать санитарные проблемы, с которыми, вероятно, придется столкнуться в ближайшие недели, особенно когда армия дойдет до Берлина. Втайне он боялся вспышки тифа. Как доложили помощники Хьюза, пересекающие линию фронта беженцы являются носителями различных

заразных болезней. Как и все другие фронтовые врачи, бригадир Хьюз пристально следил за развитием событий; любая серьезная эпидемия могла обернуться катастрофой. Подергивая усы, Хьюз размышлял, как справляться с беженцами, когда тонкий ручеек превратится в бурный поток. Несомненно, будут еще и тысячи военнопленных. И один бог знает, что еще обнаружится, пока армия дойдет до Берлина.

Бригадир также тревожила еще одна проблема: концентрационные и трудовые лагеря. Информация о них просочилась через нейтральные страны, но никто не знал, как эти лагеря управляются, сколько там человек и в каких условиях они содержатся. Создавалось впечатление, что 2-я британская армия будет первой армией, которая захватит концентрационный лагерь. На столе бригадира лежал доклад о том, что один из лагерей расположен как раз на пути продвижения армии к северу от Ганновера, и больше никакой информации не было. Бригадир Хьюз надеялся, что немцы проявили свойственную им скрупулезность в медицинских вопросах, и санитарное состояние лагеря контролируется. Он никогда прежде не слышал об этом месте. Оно называлось Бельзен.

Глава 5

Капитан Хельмут Кордс, двадцатипятилетний ветеран русского фронта, был награжден Железным крестом за мужество. Сейчас он был одним из берлинских заключенных и сомневался в том, что ему доведется увидеть конец войны. Капитан Кордс входил в элитную группу – крохотную кучку уцелевших из семи тысяч немцев, арестованных в связи с покушением на Гитлера восемь месяцев назад, 20 июля 1944 года.

Гитлер превратил свою месть в варварскую оргию; были казнены почти пять тысяч предполагаемых участников, как виновных, так и невиновных. Уничтожались целые семьи. Почти все, хотя бы отдаленно связанные с заговорщиками, были арестованы и казнены без долгого разбирательства. Их предавали смерти способом, определенным самим Гитлером. «Они все должны быть повешены, как скот», – приказал фюрер. Главные преступники были повешены именно так – за ребро на мясницких крюках для подвески забитого скота. Вместо веревок в большинстве случаев использовались фортепианные струны.

Сейчас в крыле «Б» Лехртерштрасской тюрьмы, огромного здания в форме звезды, томилась в ожидании последняя группа «заговорщиков». Среди них были и консерваторы, и коммунисты; офицеры, врачи, священники, университетские профессора, писатели, видные политики прошлого, простые рабочие и крестьяне. Некоторые понятия не имели, за что их арестовали, – официальные обвинения им не были предъявлены. Некоторых пытали, и теперь они ожидали повторного слушания дела. Невиновность некоторых была доказана, но они все еще сидели в тюрьме. Некоторые предстали перед особыми судами, поспешно вынесшими приговоры, и теперь ожидали казни. Никто точно не знал, сколько заключенных содержится в крыле «Б». Одни думали, что две сотни, другие – что меньше сотни. Подсчитать было невозможно. Каждый день заключенных уводили, и никто их больше не видел. Все зависело от каприза одного человека: шефа гестапо группенфюрера СС Генриха Мюллера. Заключенные не ждали от него милосердия. Они были уверены, что, даже когда союзники будут стоять у ворот тюрьмы, Мюллер не прекратит кровавую бойню.

Кордс в июле 1944 года был направлен в штаб резервной армии на Бендлерштрассе в качестве младшего офицера штаба. Начальником штаба резервной армии был полковник граф Клаус фон Штауффенберг. Как выяснилось, в этом назначении был всего лишь один просчет: тридцатилетний, с необычной внешностью (он был тяжело ранен, потерял руку и левый глаз, а потому носил черную повязку), фон Штауффенберг являлся ключевой фигурой заговора 20 июля, человеком, добровольно вызвавшимся убить Гитлера.

В ставке фюрера в Растенбурге в Восточной Пруссии во время одного из продолжительных военных совещаний фон Штауффенберг оставил портфель с бомбой замедленного действия под длинным столом с картой у того места, где стоял Гитлер. Бомба взорвалась через несколько минут после того, как фон Штауффенберг выскользнул из помещения и отправился в Берлин. Гитлер чудом остался жив. Несколько часов спустя фон Штауффенберг – вместе с тремя другими главными участниками заговора – без суда и следствия был расстрелян в Берлине во дворе дома на Бендлерштрассе, где находился его штаб. Были арестованы все, даже косвенно связанные с фон Штауффенбергом, в том числе и Хельмут Кордс.

Невеста Кордса Ютта Зорге, внучка бывшего немецкого канцлера и министра иностранных дел Густава Штресемана, также была арестована и заключена в тюрьму. Как и ее мать, и отец. С тех пор все они, включая Хельмута Кордса, содержались в тюрьме без суда.

Капрал Герберт Косни, томившийся в том же самом здании, знал о заговоре 20 июля даже меньше Кордса. Однако Косни оказался невольным соучастником. Он состоял в ком-

мунистической группе Сопротивления, и его участие в покушении состояло в переброске неизвестного мужчины из Лихтерфельде в Ванзе.

Хотя Герберт не был коммунистом, начиная с 1940 года он был близок к различным красным подпольным группам. В ноябре 1942 года, когда Герберт приехал в Берлин в отпуск, его старший брат Курт, член коммунистической партии с 1931 года, яростно отговаривал его от возвращения на фронт. Курт пошел еще дальше: прикладом винтовки сломал брату руку, отвел его в военный госпиталь, где объяснил, что нашел раненого солдата в канаве.

Хитрость удалась. Герберт больше не вернулся на фронт. Его откомандировали в резервный батальон в Берлине, и каждые три месяца он получал от доктора Альберта Ольберца новое медицинское свидетельство, с помощью которого оставался на «легких работах». Так уж случилось, что доктор Ольберц тоже был членом коммунистической группы Сопротивления.

Именно из-за Ольберца Герберт и попал в тюрьму. Через несколько дней после покушения на Гитлера Ольберц попросил Герберта провести срочную транспортировку. Взяв военную машину «Скорой помощи», они подобрали неизвестного Герберту человека – старшего офицера гестапо, начальника криминальной полиции, генерала Артура Небе, уже вызванного на допрос. Вскоре Небе, Ольберца и Герберта схватили. Ольберц совершил самоубийство, Небе был казнен, Герберта пытали, а затем гражданский суд вынес ему смертный приговор. Однако из-за того, что Герберт все еще оставался военнослужащим, необходим был повторный суд, теперь уже военный. Герберт понимал, что это чистая формальность, а формальности мало волновали шефа гестапо Мюллера. Глядя в зарешеченное окошко своей камеры, Герберт Косни размышлял, сколько ему осталось до казни.

Неподалеку еще один человек думал о том, что готовит ему будущее, – брат Герберта Курт Косни. Его непрерывно допрашивали в гестапо, но пока он ничего не рассказал о своей коммунистической деятельности. И конечно, он не сказал ничего, что могло бы повредить его младшему брату. Курт тревожился о Герберте. Что с ним случилось? Куда его увезли? Только несколько камер разделяло братьев, но ни Курт, ни Герберт не знали, что заключены в одну и ту же тюрьму.

Еще одна группа узников находилась в Берлине, хотя и не за тюремными стенами. Оторванные от своих семей, насильно угнанные с родины, все они, как и многие другие, желали одного – скорейшего освобождения, а кто их освободит, не имело для них никакого значения. Это были мужчины и женщины, вывезенные как рабы, почти из всех стран, оккупированных нацистами. Среди них были поляки, чехи, норвежцы, датчане, голландцы, бельгийцы, люксембуржцы, французы, югославы и русские.

Для работы в немецких хозяйствах и на немецких предприятиях нацисты в общей сложности насильно вывезли почти семь миллионов человек – эквивалент населения Нью-Йорка. Некоторые страны были практически обескровлены: из маленькой Голландии с населением 10 956 000 человек было вывезено 500 000, а из крохотного Люксембурга с населением 296 000 человек – 6000. В одном только Берлине работало более 100 000 иностранных рабочих, в основном французов и русских.

Не было ни одной отрасли, ни одного вида трудовой деятельности, в которой не были заняты иностранные рабочие. Многие высокопоставленные нацисты получали русских девушек в качестве домашней прислуги. Военные архитекторы укомплектовывали свои штаты молодыми иностранными чертежниками. В тяжелой промышленности трудились электрики, сталевары, механики и неквалифицированные рабочие. Газовые, водопроводные, транспортные компании и муниципальные предприятия «нанимали» тысячи работников, чей труд не надо было оплачивать. Даже армейскому штабу на Бендлерштрассе были выде-

лены иностранные рабочие. Француз Раймон Легатьер имел там постоянную работу: по мере того как от разрывов бомб в окнах лопались стекла, он заменял их.

Недостаток рабочей силы в Берлине достиг такого критического уровня, что нацисты, открыто пренебрегая Женевской конвенцией, использовали иностранных рабочих и военнопленных на военных заводах. Поскольку Россия Женевскую конвенцию не подписала, пленных красноармейцев использовали в любых целях. С каждым днем ситуация ухудшалась, и пленных стали привлекать к строительству бомбоубежищ, восстановлению разбомбленных военных объектов и даже к ручной загрузке углем промышленных электростанций. Различия между иностранными рабочими и военнопленными стали ничтожными, только иностранные рабочие пользовались большей свободой, но даже это зависело от района и типа работы. Иностранные рабочие жили в «городках» из деревянных бараков, расположенных рядом с фабриками или на их территории; они питались в общей столовой и носили опознавательные знаки. Некоторые концерны закрывали глаза на инструкции и разрешали своим иностранным рабочим жить не на предписанной территории, а в Берлине. Многие могли свободно передвигаться по городу, ходить в кино или другие увеселительные заведения, при условии строгого соблюдения комендантского часа³.

Некоторые охранники ослабляли бдительность. Многие иностранные рабочие, иногда даже военнопленные, обнаружили, что могут время от времени уклоняться от работы. Один охранник, сопровождавший двадцать пять французов, которые каждый день ездили на работу в город на метро, теперь даже не утруждал себя пересчетом подопечных, сходявших с поезда. Ему было наплевать, сколько их «потерялось» во время переезда, лишь бы к шести вечера все они собрались на станции «Потсдамер-Плац», чтобы вернуться в лагерь.

Не всем иностранным рабочим так везло. Тысячи практически не имели никакой свободы. Главным образом, это касалось рабочих муниципальных и государственных заводов. Французы, работавшие в газовой муниципальной компании в Мариенфельде в Южном Берлине, имели гораздо меньше прав и хуже питались, чем работники частных компаний. И все же они жили гораздо лучше русских. Француз Андре Бордо записал в своем дневнике, что начальник охраны Феслер «никогда никого не посылает в концентрационный лагерь», а по воскресеньям в дополнение к пайку «позволяет нам уходить в поле, чтобы найти пару картофелин». Бордо радовался, что родился не на востоке. Как он отмечал в дневнике, «русский блок ужасно перенаселен, там вместе живут мужчины, женщины и дети... а то, чем они питаются, по большей части несъедобно». Правда, на некоторых частных предприятиях с русскими рабочими обращались так же хорошо, как с западными.

Западные рабочие по всему Берлину с любопытством замечали, как с каждым днем меняются русские. На химическом заводе Шеринга в Шарлоттенбурге русские, которые, казалось бы, должны ликовать, становились все более подавленными. Особенно возможность захвата города соотечественниками тревожила украинских и белорусских женщин.

Два-три года назад эти женщины приехали в Германию в простенькой крестьянской одежде. Постепенно их одежда и манеры становились все более изысканными. Многие впервые начали пользоваться косметикой. Заметно изменились прически. Русские девушки подражали окружающим их француженкам и немкам. Все отметили, что почти в один день русские девушки вновь надели свои крестьянские платья. Многим казалось, что русские предчувствуют репрессивные меры со стороны Красной армии, хотя и были вывезены из России против своей воли. Эти женщины явно ожидали наказания за то, что стали выглядеть по-западному.

³ Была еще одна категория – добровольные иностранные рабочие. Тысячи европейцев – некоторые из которых были ревностными поклонниками нацизма, другие верили, что помогают бороться с большевизмом, но в подавляющем большинстве циничные авантюристы – откликнулись на объявления в немецких газетах, где предлагалась высокооплачиваемая работа в рейхе. Эти могли жить вполне свободно рядом с местами своей работы.

Моральное состояние западных рабочих было высоким по всему Берлину. На заводе Алкетта в Рухлебене 2500 французов, бельгийцев, поляков и голландцев производили танки, и все они, за исключением немецких охранников, строили планы на будущее. Особенно ликовали французские рабочие. Вечерами они собирались за ужином и говорили, говорили о той минуте, когда ступят на землю Франции, пели песни. Самыми любимыми были «Ma Pomme» и «Prosper» Мориса Шевалье.

Жан Бутэн, двадцатилетний механик из Парижа, был особенно весел; он знал, что сыграл кое-какую роль в падении Германии. Бутэн и несколько голландских рабочих уже несколько лет занимались саботажем: портили детали танков. Немецкий бригадир неоднократно угрожал отправить саботажников в концентрационные лагеря, но так и не выполнил свою угрозу, на что имелась веская причина: на заводе остро не хватало рабочих рук, и он всецело зависел от иностранных рабочих. Жан считал сложившуюся ситуацию чертовски забавной. На обработку каждого шарикоподшипника отводилось пятьдесят четыре минуты. Жан почти всегда сдавал законченную деталь не раньше чем через двадцать четыре часа и с дефектами. У подневольных рабочих Алкетта было одно нехитрое правило: каждая бракованная деталь, которую удастся поставить тайком от бригадира, приближает победу над Германией и падение Берлина. До сих пор ни один из них не попался.

Глава 6

Несмотря на постоянные бомбежки, несмотря на «призрак» Красной армии на Одере, несмотря на все более сжимающуюся территорию Германии, на которую с запада и востока надвигались союзники, неизбежно находились и такие, кто упрямо не желал даже думать о возможности катастрофы. Это были фанатичные нацисты. Большинство из них, казалось, воспринимали трудности и лишения как своего рода чистилище, как проверку и закалку их преданности нацизму и его целям. Они были убеждены в том, что, если продемонстрируют свою лояльность, все устроится: не только Берлин никогда не падет, но и победа Третьего рейха станет реальностью.

Нацисты занимали особое место в жизни города. Берлинцы так полностью и не приняли Гитлера и его фанатизм. Их мировоззрение всегда было и более сложным, и более интернациональным. Фактически, едкий юмор берлинцев, их политический цинизм и почти абсолютное отсутствие энтузиазма по отношению к фюреру и его «новому порядку» давно досаждали нацистской партии. Когда в Берлине проводились факельные шествия или другие нацистские демонстрации, призванные потрясти мир, из Мюнхена приходилось привозить тысячи штурмовиков для подкрепления толп марширующих. «В кинохронике они смотрятся лучше нас, – острили берлинцы, – и ноги у них гораздо больше!»

Как ни старался Гитлер, он так и не смог завоевать сердца берлинцев. Задолго до того, как город был разрушен бомбами союзников, разочарованный и разгневанный Гитлер планировал перестроить Берлин в соответствии с нацистскими вкусами. Он даже собирался дать ему новое имя – Германия, ибо никогда не забывал, что на всех свободных выборах тридцатых годов берлинцы его отвергали. В решающем 1932 году, когда Гитлер не сомневался, что победит Гинденбурга, Берлин подал за него меньше всего голосов – только 23 процента. Теперь фанатики решили превратить Берлин, наименее нацистский город Германии, в последнюю FESTUNG (крепость) нацизма. Хотя нацисты составляли меньшинство, власть все еще была в их руках.

Тысячам берлинских фанатиков не исполнилось и двадцати лет. Как большая часть этого поколения, они знали только одного бога – Гитлера. С раннего детства их пичкали идеологией национал-социализма. Многих также учили защищать правое дело с помощью самого разного оружия: от винтовок до противотанковых одноразовых реактивных гранатометов – фаустпатронов. Пятнадцатилетний Клаус Кюстер был типичным представителем этой подростковой группы. Член гитлерюгенда (в Берлине таких была не одна тысяча), он ловко подбивал танки с расстояния менее шестидесяти ярдов.

Самыми преданными были члены СС. Они были убеждены в окончательной победе и так преданы Гитлеру, что это было выше понимания остальных немцев, а их фанатизм был настолько силен, что, казалось, проникал в подсознание. Доктор Фердинанд Зауэрбрух в больнице «Шарите» давал наркоз тяжело раненному на Одере эсэсовцу. И вдруг в абсолютной тишине операционной раздался тихий и отчетливый голос: на столе под наркозом эсэсовец снова и снова повторял: «Хайль Гитлер!.. Хайль Гитлер!.. Хайль Гитлер!»

Кроме этих военных экстремистов, были сотни тысяч гражданских лиц, почти столь же сильно зараженных национал-социализмом. Некоторые были ходячими карикатурами, точно такими, какими свободный мир представлял фанатичного наци. Одним из них был сорокасемилетний Карл Готтхард. Хотя Готтхард был всего лишь мелким чиновником, временно работавшим бухгалтером в люфтваффе, он носил щегольскую синюю форму с гордостью и надменностью первоклассного летчика-истребителя.

Войдя в свою квартиру поздним вечером, он резко щелкнул каблуками, выбросил вверх правую руку и крикнул: «Хайль Гитлер!» Этот спектакль Готтхард повторял уже много лет,

и его фанатизм ужасно наскучил Герде, его жене, но сегодня она была встревожена. Ей не терпелось поговорить с мужем и выработать какой-нибудь план выживания. Герда только успела сказать, что русские подошли очень близко к Берлину, как Готтхард гневно перебил ее: «Слухи! Слухи! Нарочно распускаемые врагом слухи». В искаженном нацистской идеологией мире Готтхарда все шло по плану. Победа Гитлера не подвергалась сомнению. Русские *не* стояли у ворот Берлина.

Еще были восторженные и впечатлительные. Эти даже не рассматривали вероятность поражения. К таким относилась Эрна Шульце, сорокаоднолетняя секретарша штаба Главного командования военно-морского флота. Она только что осуществила мечту всей своей жизни: ее назначили секретарем адмирала, и это был ее первый день на новой работе.

В предыдущие сорок восемь часов Шелль-Хаус, где размещался штаб, серьезно пострадал от бомбежек. Однако это не беспокоило Эрну, не смутил ее и приказ, только что поступивший на ее рабочий стол. В приказе говорилось, что все *совершенно секретные* документы должны быть сожжены. А в конце первого же дня новой работы Эрну ждало печальное известие: она и все другие служащие отправляются в «бессрочный отпуск», а чеки на зарплату им вышлют позже.

И все же Эрна не унывала. Ее вера была столь сильна, что она отказывалась верить даже официальным сообщениям о поражениях. Она верила в боевой дух берлинцев и считала, что триумф рейха – всего лишь вопрос времени. Покидая здание, Эрна не сомневалась в том, что через несколько дней военно-морской флот призовет ее обратно.

Были и другие, столь лояльные и столь тесно связанные с верхушкой нацистской иерархии, что они почти не думали о войне и ее последствиях. Опьяненные головокружительной роскошью своего привилегированного положения и слепо преданные Гитлеру, они чувствовали себя не просто в безопасности, но абсолютно защищенными. Одной из таких была симпатичная, синеглазая Кете Райсс Хойзерман.

В доме номер 213 по Курфюрстендам белокурая, жизнерадостная тридцатипятилетняя Кете, ассистентка профессора Хуго Блашке, стоматолога нацистских лидеров, была полностью поглощена своей работой. Блашке обслуживал Гитлера и его приближенных с 1934 года, и ему был пожалован военный чин бригадефюрера СС. Он также был назначен руководителем стоматологического отделения Берлинского медицинского центра СС. Ревностный нацист Блашке, выгодно используя свое сотрудничество с Гитлером, создал самую большую и самую прибыльную частную зубоврачебную практику в Берлине. Сейчас он готовился еще раз извлечь выгоду из этого сотрудничества. В противоположность Кете, Блашке ясно видел зловещие предзнаменования и планировал покинуть Берлин при первой же возможности. Если он дождется прихода русских, высокий эсэсовский чин сильно усложнит его положение.

Кете почти не обращала внимания на то, что происходит вокруг. Она была очень занята. С раннего утра до позднего вечера была на ногах, ассистировала Блашке в различных клиниках и главном офисе его частной практики на Курфюрстендам. Нацистская элита полностью доверяла компетентной и обаятельной ассистентке профессора, и Кете посещала почти все окружение Гитлера, а однажды – даже самого фюрера.

Это событие было кульминационным в ее карьере. В ноябре 1944 года Блашке и Кете были срочно вызваны в ставку фюрера в Растенбурге в Восточной Пруссии. Гитлер мучился острой зубной болью. «Его лицо – особенно правая щека – ужасно распухло, – вспоминала позже Кете. – У фюрера вообще были очень плохие зубы: три моста и всего восемь собственных верхних зубов, да и те с золотыми пломбами. Верхний мост был надежно закреплен на оставшихся боковых зубах, и один из них, зуб мудрости с правой стороны, был серьезно инфицирован».

После осмотра Блашке объяснил Гитлеру, что спасти зуб невозможно и его придется удалить. Более того, необходимо удалить два зуба: последний зуб протеза и инфицированный. Это означало, что придется распилить фарфор и золото зубного протеза перед последним искусственным зубом, а позже сделать новый протез или починить старый.

Операция предстояла сложная, и Блашке нервничал, потому что невозможно было предсказать, как поведет себя Гитлер. Ситуация осложнялась тем, что фюрер не любил обезболивающие средства. Кете вспоминала, как фюрер сказал Блашке, что согласен только на «необходимый минимум». И Блашке и Кете понимали, что Гитлеру придется претерпеть мучительную боль. Операция могла продлиться от тридцати до сорока пяти минут, но другого выхода у них не было.

Блашке сделал Гитлеру укол в верхнюю челюсть, и операция началась. Кете стояла рядом с фюрером, одной рукой оттягивая его щеку, а в другой держала зеркало. Блашке быстро вонзил сверло бормашины в зубной протез, затем сменил наконечник и начал пилить. Гитлер не шевелился, «как будто заledenел», вспоминала Кете. Наконец Блашке очистил зуб и удалил его. «За всю операцию Гитлер даже не пошевелился, не издал ни слова, – говорила потом Кете. – Это было потрясающе. Мы изумлялись его выдержке».

Все это случилось пять месяцев назад, но до сих пор так ничего и не было сделано с качающимся зубным протезом фюрера. Кроме ближайшего окружения Гитлера, мало кто знал о деталях операции. Одно из главных правил его соратников – все, что касается фюрера, особенно его болезни, остается совершенно секретным.

Кете прекрасно умела хранить секреты. Например, она знала, что для признанной рейхом, хотя и невенчанной первой леди был сконструирован особый зубной протез. Блашке собирался поставить ей золотой мост, как только она появится в Берлине. Любовнице Гитлера Еве Браун протез был действительно необходим.

И наконец, Кете знала один из самых тщательно охраняемых секретов рейха. В ее обязанности входило посылать полный комплект стоматологических инструментов и лекарств туда, где в данный момент находился фюрер. Более того, она делала новый мост с золотыми коронками одной из секретарш Гитлера: невысокой, полной сорокапятилетней Иоганне Вольф. Скоро Кете должна будет примерить Вольфи новый протез в операционной имперской канцелярии. В последние девять недель Кете почти ежедневно сновала между клиникой Блашке и имперской канцелярией. Адольф Гитлер находился там с 16 января.

С приближением ночи город опустел. В бледном свете луны громада Берлина представляла отличную цель для ночной бомбежки. Затаившись, берлинцы ждали авианалета и задавались вопросом, кто из них доживет до утра.

В девять часов вечера появились самолеты ВВС Великобритании. В четвертый раз за сутки взвыли сирены, и началась 317-я бомбардировка города. Генерал-майор Хельмут Рейман продолжал работать в своем кабинете в штабе на Гогенцоллерндам, не обращая внимания на грохот зениток и разрывы бомб. Ему отчаянно не хватало времени.

Всего шестнадцатью днями ранее в дрезденском доме Реймана затрезвонил телефон. Звонил генерал Вильгельм Бургдорф, адъютант Гитлера. «Фюрер назначил вас командующим обороной Дрездена», – сказал Бургдорф. Поначалу Рейман даже не нашелся что ответить. Столица Саксонии XVI века с ее сказочными соборами, замками и булыжными мостовыми за три массированные бомбардировки была разрушена почти полностью. Подавленный гибелью прекрасного старинного города, Рейман не сдержался. «Передайте ему, что здесь нечего защищать, кроме груды мусора», – выкрикнул он и бросил трубку. Его неожиданные, гневные слова произвели неожиданный эффект. Через час Бургдорф позвонил снова: «Взамен фюрер назначил вас командующим обороной Берлина».

6 марта Рейман принял командование. Через несколько часов он совершил ужасающее открытие. Хотя Гитлер и объявил Берлин FESTUNG (крепостью), укрепления существовали

только в воображении фюрера. Никаких мер не было предпринято для защиты города от штурма. Не было ни плана, ни линии обороны, и фактически не было войск. Хуже того, не были сделаны запасы продовольствия для гражданского населения, а плана эвакуации женщин, детей и стариков просто не существовало.

Теперь Рейман работал круглосуточно, лихорадочно пытаясь распутать дикий клубок проблем. Откуда взять войска, артиллерию, боеприпасы и снаряжение для того, чтобы удерживать город? Где найти инженеров, технику и материалы для строительства оборонительных сооружений? Позволят ли ему эвакуировать женщин, детей и стариков? Снова и снова он возвращался к главному вопросу: время – сколько у него осталось времени?

Трудно было найти даже старших офицеров. Только сегодня Рейману выделили начальника штаба – полковника Ганса Рефьёра. Компетентный офицер Рефьёр, прибывший несколько часов назад, еще больше Реймана был потрясен неразберихой, царившей в Берлине. Несколько дней назад в иллюстрированном журнале «Рейх» Рефьёр читал статью, в которой Берлин объявлялся практически неприступным. Особенно запомнилась одна строчка: «Берлин напичкан оборонительными сооружениями, как ошетилившийся еж». Если так, то эти сооружения были очень хорошо замаскированы. Рефьёр почти ничего не заметил.

За долгие годы своей военной карьеры седовласый пятидесятитрехлетний Рейман ни на минуту не представлял, что ему придется столкнуться с такой задачей. Однако он должен был найти ответы на каждый вопрос, и быстро. Возможно ли спасти Берлин? Рейман был полон решимости сделать для этого все, что от него зависело. Военная история знала множество примеров, когда поражение казалось неизбежным и все же одерживалась победа. Рейман подумал о Вене, успешно оборонявшейся против турок в 1683 году, и о генерале графе фон Гнейзенау, начальнике штаба Блюхера, который защищал Кольберг в 1806 году. Правда, эти аналогии были не очень убедительными. Рейман понимал, что все зависит от того, удержат ли немецкие армии фронт на Одере, и от общего командования войсками.

Великие, победоносные лидеры – Роммель, фон Рундштедт, фон Клюге, фон Манштейн, – одни имена которых могли воодушевить войска, – канули в Лету. Кто-то умер, кто-то был дискредитирован или отправлен в отставку. Теперь же, более чем когда-либо, нации и армии необходим был великий солдат – новый стремительный Роммель, новый педантичный фон Рундштедт. От этого зависела судьба Берлина и, возможно даже, Германии как нации. Но где этот человек?

Часть вторая Генерал

Глава 1

Рассвет 22 марта был туманным и холодным. К югу от города, поблескивая пятнами изморози на асфальте, тянулось через мокрые сосновые леса имперское шоссе Рейхсштрассе 96. В это неприветливое утро второго дня весны шоссе было забито машинами. Даже для военной Германии такое скопление транспорта казалось нереальным.

Некоторые из тяжелых грузовиков были загружены громоздкими картотечными шкафами, ящиками с документами, офисным оборудованием и картонными коробками. Другие были забиты произведениями искусства: прекрасной мебелью, ящиками с картинами, скульптурами, медными украшениями и фарфором. В одном из открытых грузовиков на горе вещей тихо покачивался незрячий бюст Юлия Цезаря.

Среди грузовиков попадались большие легковые автомобили самых разных моделей: «хорхи», «вандереры», роскошные лимузины – «мерседесы». На них серебрились медальоны со свастикой, которыми помечался официальный транспорт нацистской партии. Все машины двигались по имперскому шоссе 96 в одном направлении: на юг. В машинах сидели партийные чиновники Третьего рейха – нацистская элита, «золотые фазаны», те, кто был удостоен чести носить золотые значки-свастику. «Золотые фазаны» эмигрировали вместе со своими женами, детьми и имуществом. Мужчины в коричневых мундирах, злые и мрачные, смотрели прямо перед собой, как будто боялись, что в любой момент их могут остановить и отправить обратно в то единственное место, где они не желали находиться: в Берлин.

В противоположном направлении, на север, спешил большой «мерседес», штабной автомобиль вермахта. На его левом крыле торчал металлический, в черно-красно-белую клетку флажок командующего группой армий. Рядом с шофером сидел, ссутулясь и уныло глядя на дорогу, закутанный в потертую дубленку и теплый шарф генерал-полковник Готтхард Хейнрици. Как все генералы рейха, он прекрасно знал эту автостраду. Кузен Хейнрици фельдмаршал Герд фон Рундштедт когда-то язвительно назвал ее «дорогой в вечность». Многих старших офицеров унесла она в забвение, ибо была прямой дорогой в генеральный штаб немецких войск, находящийся в 18 милях от Берлина. Даже местные жители не знали, что хорошо замаскированный военный мозговой центр гитлеровской Германии прячется в густом лесу прямо за городком XV века Цоссеном. В Цоссен и направлялся сейчас Хейнрици.

Если движущийся навстречу поток – тревожное свидетельство бегства правительственных министерств – и произвел какое-то впечатление на генерала, он не поделился им со своим тридцатишестилетним адъютантом, капитаном Генрихом фон Биля, сидящим на заднем сиденье рядом с ординарцем Хейнрици Бальценом. Все многочасовое пятисотмильное путешествие в машине по большей части царило молчание. Еще до рассвета генерал и его спутники покинули Северную Венгрию, где Хейнрици командовал 1-й танковой и 1-й венгерской армиями. Они долетели до Баутцена около чешско-германской границы, а оттуда выехали на автомобиле. И теперь каждый час приближал пятидесятивосьмилетнего генерала, одного из лучших специалистов вермахта по обороне, к величайшему за всю его сорокалетнюю военную карьеру испытанию.

Все детали своего нового назначения Хейнрици должен был узнать в Цоссене, но он уже понимал, что ему придется воевать не с западными союзниками, а со своими старыми

врагами – русскими. Горькое, хотя и обычное для Хейнрици задание: он должен принять командование группой армий «Висла», удержать русских на Одере и спасти Берлин.

Вдруг взревела сирена воздушной тревоги. Хейнрици вздрогнул и резко обернулся. В заднее стекло он увидел кучку фахверковых домов, но никаких признаков бомбежки или самолетов союзников. Вскоре дрожащий звук замер вдали, но не он заставил вздрогнуть генерала. Ему было не привыкать к авианалетам. Удивило его другое: он вдруг осознал, что здесь, в самом центре Германии, даже в маленьких деревушках есть сирены воздушной тревоги. Хейнрици командовал войсками с 1939 года, с самого начала войны, сперва на Западном фронте, а затем, после 1941 года, в России и не был в Германии более двух лет. Он плохо представлял воздействие тотальной войны на внутренний фронт и вдруг с горечью понял, что стал чужаком в собственной стране... он не ожидал ничего подобного.

Немногие из немецких генералов имели такой большой опыт этой войны, и мало кто из военных столь высокого ранга достиг меньшей известности. Хейнрици не мог сравниться с ярким Роммелем, прославившимся военными успехами и удостоенным поднапоревшим в пропаганде Гитлером фельдмаршальского жезла. Имя Хейнрици редко появлялось в печати, разве что в армейских приказах. Слава, о которой мечтает каждый солдат, ускользала от него. Будучи долгие годы командующим на Восточном фронте, он сражался с русскими в роли, которая самой своей природой приговаривала его к неизвестности. Его операции были связаны не с триумфами блицкрига, а с горечью и отчаянием отступления. Его специализацией была оборона, и в этом искусстве немногие могли с ним сравниться. Вдумчивый, педантичный стратег с обманчиво мягкими манерами, Хейнрици был суровым генералом старой аристократической школы, давным-давно научившимся удерживать фронт с минимумом людей и самой низкой ценой. Как заметил однажды один из его штабных офицеров, «Хейнрици отступает, только когда воздух превращается в свинец, и то лишь после тщательного обдумывания».

В войне, которая для него была медленным и мучительным отступлением от московских окраин до Карпатских гор, Хейнрици снова и снова держался до конца в почти безнадежных ситуациях. Упорный, дерзкий и настойчивый, он не упускал ни единого шанса, даже если речь шла только о том, чтобы удержать еще одну милю еще на один час. Он сражался с такой жестокостью, что его офицеры и солдаты с гордостью называли его «*unser Giftzwerg*» – «наш крутой маленький ублюдок»⁴.

Тех, кто видел его впервые, эпитет «крутой» часто приводил в замешательство. Маленького роста, худощавого телосложения, с безмятежными голубыми глазами, белокурыми волосами и аккуратными усиками, с первого взгляда Хейнрици производил впечатление скорее школьного учителя, чем генерала, причем бедного учителя.

Адъютант фон Била очень тревожился из-за того, что Хейнрици не прилагал никаких усилий, чтобы походить на генерал-полковника, а потому сам постоянно заботился о его внешности – особенно о сапогах и верхней одежде. Хейнрици ненавидел начищенные до блеска сапоги выше колена, очень популярные среди немецких офицеров, а предпочитал простые невысокие сапоги, которые носил со старомодными, еще времен Первой мировой войны кожаными крагами с застежками сбоку. Что касается шинели, то у генерала их было несколько, но он любил свою выношенную дубленку и, несмотря на все уговоры фон Била, отказывался с ней расстаться. И мундиры свои Хейнрици донашивал чуть ли не до дыр. А еще Хейнрици любил путешествовать налегке и редко возил с собой больше одного мундира, то есть того, что был на нем.

⁴ «*Unser Giftzwerg*» в дословном переводе означает «наш маленький ядовитый карлик», и в этом смысле так часто называли Хейнрици те, кто его не любил.

Если Хейнрици явно нуждался в новой одежде, проявлять инициативу приходилось фон Била, и бедняга ненавидел эти схватки, поскольку обычно выходил из них побежденным. Когда в последний раз фон Била наконец отважился затронуть эту тему, то начал изда- лека. Очень осторожно он поинтересовался у Хейнрици: «Герр оберстгенерал, не следует ли нам выкроить минутку, чтобы снять мерку для нового мундира?» Хейнрици взглянул на фон Била поверх очков для чтения и кротно спросил: «Вы действительно так считаете, Била?» На какое-то мгновение фон Била показалось, что он достиг цели, но Giftswerg тут же холодно продолжил: «Зачем?» С тех пор фон Била больше не поднимал этот вопрос.

Но если Хейнрици внешне не был похож на генерала, то действовал он, как настоящий генерал. И настоящий солдат. Для войск, которыми он командовал, особенно после Москвы, он был легендой.

В декабре 1941 года стремительное широкомасштабное наступление Гитлера на Рос- сию окончательно завязло в снегах на самых подступах к Москве. По всему немецкому фронту более 1 250 000 легко одетых солдат и офицеров были захвачены врасплох ранними жестокими морозами. Пока немцы барахтались в снегу и во льду, русские армии, списан- ные Гитлером и его экспертами со счетов, появились буквально из ниоткуда. Советы бро- сили в массированное наступление на захватчиков сто дивизий привычных к зиме солдат. Немецкие армии, понесшие сокрушительные потери, были отброшены от Москвы, и какое- то время казалось, что повторяется жуткое бегство наполеоновских армий 1812 года, только еще более массовое и кровавое.

Фронт необходимо было стабилизировать, и именно Хейнрици получил приказ удер- жать самый тяжелый сектор. 26 января 1942 года его назначили командующим остатками 4-й армии, которая стояла у самой Москвы на ключевых позициях. Хейнрици приступил к своим новым обязанностям в жестокий мороз; температура достигала минус 42 градуса по Фаренгейту. Вода замерзала в паровозных котлах; пулеметы заклинивало; невозможно было вырыть траншеи и одиночные окопы, потому что земля была твердой как сталь. Не имевшие соответствующего снаряжения солдаты Хейнрици сражались по пояс в снегу, с льдышками, свисавшими с их ноздрей и ресниц. «Мне было приказано держаться до начала большого наступления, в котором Москва обязательно будет взята, – вспоминал впоследствии Хейн- рици. – Однако мои люди погибали не только от русских пуль. Многие из них умерли от переохлаждения».

Они держались почти десять недель. Хейнрици использовал все доступные ему сред- ства, традиционные и нетрадиционные. Он увещевал своих подчиненных, стимулировал, повышал в звании, разжаловал – и снова и снова пренебрегал давнишним и неизменным приказом Гитлера «Starre Verteidigung» – «Ни шагу назад». По оценкам штаба 4-й армии, в ту долгую зиму временами силы противника превосходили силы Хейнрици по меньшей мере в двенадцать раз.

На подступах к Москве Хейнрици разработал прославившую его тактику. Когда он понимал, что русская атака в каком-то секторе неминуема, он накануне приказывал своим войскам отойти на одну-две мили на новые позиции, и русская артиллерия обрушивала огонь на опустевшую линию фронта. Хейнрици вспоминал: «Они колотили по пустому мешку. Атака русских захлебывалась, потому что мои люди, целые и невредимые, ждали в боевой готовности. Затем мои войска, стоявшие на неатакованных флангах, смыкались и вновь зани- мали прежние позиции». Самое главное было узнать, когда и где русские готовят наступле- ние. Опираясь на разведанные, дозоры, допросы пленных и исключительное шестое чув- ство, Хейнрици мог указать время и место с почти математической точностью.

Не всегда эти методы были применимы, а когда применялись, Хейнрици приходилось действовать с величайшей осторожностью: Гитлер сажал в тюрьму и даже расстреливал генералов за нарушение приказа «Ни шагу назад». «В то время как мы едва ли могли пере-

двинуть часового от окна к двери без его разрешения, – заметил впоследствии Хейнрици, – некоторые из нас находили возможности и способы обойти его более самоубийственные приказы».

По очевидным причинам Хейнрици никогда не был любимцем Гитлера или его окружения. Он происходил из аристократической, традиционно связанной с военной службой семьи и потому не мог нарушить присягу на верность Гитлеру, но главным для него всегда был зов высшей диктатуры: в начале войны Хейнрици поссорился с Гитлером из-за своих религиозных взглядов.

Сын протестантского священника, Хейнрици ежедневно читал отрывок из Библии, по воскресеньям посещал церковь и настаивал на религиозных службах в своих войсках. Эта практика не устраивала Гитлера. Несколько раз Хейнрици недвусмысленно намекали, что Гитлер считает неблагоприятным публичное посещение церкви генералом. Когда в последний приезд в Германию Хейнрици проводил отпуск в Вестфалии в городке Мюнстер, его навел на разговор высокопоставленный функционер нацистской партии, посланный из Берлина специально для разговора с ним. Хейнрици, который никогда не был членом нацистской партии, проинформировали, что «фюрер считает вашу религиозную деятельность несовместимой с целями национал-социализма». С каменным выражением лица Хейнрици выслушал предупреждение, а в следующее воскресенье он, его жена, сын и дочь, как обычно, посетили церковь.

Соответственно, в воинских званиях его повышали редко и неохотно. Он вообще не продвигался бы по службе, если бы не его неоспоримый блестящий талант командира и тот факт, что различные командующие, под началом которых он служил, – особенно фельдмаршал Гюнтер фон Клюге – настаивали на его повышении.

В конце 1943 года Хейнрици навлек на себя неприязнь рейхсмаршала Германа Геринга опять же из-за религии. Геринг в гневе пожаловался фюреру, что во время отступления 4-й армии в России Хейнрици не выполнял гитлеровскую политику «выжженной земли». Конкретно Геринг обвинил генерала в том, что он преднамеренно игнорировал приказ «сжечь и разрушить все жилые здания в Смоленске»; среди других зданий в городе уцелел и огромный кафедральный собор. Хейнрици с серьезным видом объяснил, что, «если бы Смоленск был сожжен, я не смог бы вывести через него мои войска». Подобный ответ не удовлетворил ни Гитлера, ни Геринга, но в нем содержалось как раз столько военной логики, сколько требовалось для того, чтобы избежать военного суда.

Однако Гитлер ничего не забыл. Став жертвой газовой атаки в Первой мировой войне, Хейнрици с тех пор страдал различными болезнями желудка. Через несколько месяцев после инцидента с Герингом Гитлер, сославшись на эти болезни, внес Хейнрици в список командного состава, не состоящего на действительной службе, по причине «слабого здоровья». Его отправили в отставку и, по словам самого Хейнрици, «просто забыли» в санатории для послебольничного долечивания в Карлсбаде в Чехословакии. Через несколько недель после его увольнения из армии русские в первый раз прорвались через позиции его бывшего соединения – 4-й армии.

В первые месяцы 1944 года Хейнрици оставался в Карлсбаде и издали наблюдал за трагическими событиями, медленно превращавшими империю Гитлера в руины: июньским вторжением западных союзников в Нормандию, продвижением англо-американских войск вверх по «итальянскому сапогу» и захватом Рима, неудачным покушением на Гитлера 20 июля, неодолимым шествием русских по Восточной Европе. По мере того как ситуация становилась все более критической, Хейнрици все тяжелее переносил свое вынужденное бездействие. Он мог бы обратиться к Гитлеру с просьбой о назначении, но не хотел унижаться.

Наконец поздним летом сорок четвертого года после восьми месяцев вынужденной отставки Хейнрици вновь призвали на службу, на этот раз в Венгрию, и поручили командование оказавшимися в тяжелом положении 1-й танковой и 1-й венгерской армиями.

В Венгрии Хейнрици взялся за старое. В разгар сражений генерал-полковник Фердинанд Шернер, протеже Гитлера и начальник Хейнрици в Венгрии, издал следующую директиву: «...любой солдат, обнаруженный без приказа вдали от передовой, должен быть немедленно казнен, а тело его выставлено в назидание остальным». Хейнрици, возмущенный этим приказом, сердито возразил: «Подобные методы никогда не применялись под моим командованием и никогда не будут применяться».

Хейнрици был вынужден отступить из Северной Венгрии в Чехословакию. Он сражался за каждый клочок земли так отчаянно, что его наградили мечами к дубовым листьям его Рыцарского креста – удивительное достижение для человека, которого так сильно не любил сам Гитлер. О награждении генералу сообщили 3 марта 1945 года, а сейчас, всего две недели спустя, он мчался в Цоссен с приказом в кармане принять командование группой армий «Висла».

Глядя, как мощный «мерседес» пожирает колесами ленту имперского шоссе 96, Хейнрици задавался вопросом, куда же это шоссе в конце концов приведет его. Он вспомнил реакцию своих штабистов в Венгрии на известие о новом назначении и вызове к генералу Хейнцу Гудериану, главнокомандующему сухопутными войсками в штаб ОКХ (Ober-kommando der Heers). Они были в шоке. «Вам действительно нужна эта работа?» – спросил его начальник штаба.

Встревоженным подчиненным Хейнрици казалось, что их честного, прямолинейного шефа ждут серьезные неприятности. Как командующий Одерским фронтом, последней важной линией обороны между русскими и Берлином, он будет под постоянным присмотром Гитлера и его «придворных шутов», как выразился один из штабных офицеров. Хейнрици никогда не был лизоблюдом, не научился приукрашивать факты. Как такой человек сможет избежать столкновений с людьми, окружающими фюрера? А все знали, что случается с теми, кто не соглашается с Гитлером.

Близкие Хейнрици офицеры как можно деликатнее предлагали ему найти какой-нибудь предлог, чтобы отказаться от нового назначения, например «по состоянию здоровья». Удивленный Хейнрици просто ответил, что намерен выполнить приказ, «как любой рядовой Шульц или Шмидт».

Теперь, приближаясь к окраинам Цоссена, Хейнрици не мог не вспомнить, что перед отъездом подчиненные смотрели на него, как «на овцу, обреченную на заклание».

Глава 2

После быстрой проверки у главных ворот базы Цоссена внутренний красно-черный шлагбаум поднялся, часовые отсалютовали, автомобиль Хейнрици въехал на территорию генштаба и словно попал в другой мир. В каком-то отношении так оно и было – спрятанный, замаскированный, упорядоченный военный мир, известный лишь избранным под кодовыми названиями «Майбах I» и «Майбах II».

Сейчас автомобиль проезжал «Майбах I» – штаб-квартиру ОКХ, главного командования сухопутных сил, откуда генерал Гудериан управлял армиями на Восточном фронте. В миле отсюда находился совершенно самостоятельный комплекс: «Майбах II» – штаб-квартира ОКВ, Верховного главнокомандования вермахта. Несмотря на свое второстепенное обозначение, «Майбах II» обладал большей властью, поскольку был ставкой Верховного главнокомандующего Гитлера.

Не в пример генералу Гудериану, который управлял войсками прямо из штаба ОКХ, руководящий эшелон ОКВ – его начальник штаба фельдмаршал Вильгельм Кейтель и начальник штаба оперативного руководства вооруженными силами Германии генерал-полковник Альфред Йодль – находился рядом с Гитлером, где бы он ни был. В Цоссене оставался только оперативный персонал ОКВ. Через этот персонал Кейтель и Йодль командовали армиями на Западном фронте, а также использовали штаб как распределительный центр для всех директив Гитлера всем германским вооруженным силам.

Таким образом, «Майбах II», «святая святых», был настолько изолирован от штаба Гудериана, что немногие из его офицеров туда допускались. Секретность была столь всеобъемлющей, что оба штаба были разделены и физически – высокими заборами из колючей проволоки, вдоль которых постоянно патрулировали часовые. Как Гитлер заявил еще в 1941 году, никто не должен знать больше, чем необходимо для выполнения своих обязанностей. В штаб-квартире Гудериана говорили, что, «если даже враг захватит ОКВ, мы будем работать, как обычно: мы об этом ничего не узнаем».

Автомобиль Хейнрици ехал под лиственным шатром по одной из множества узких грунтовых дорог, пересекавших комплекс. Среди деревьев мелькали неровные ряды низких бетонных зданий. Их расположили так, чтобы максимально использовать естественное укрытие деревьев, но для пущей уверенности раскрасили в тусклые маскировочные цвета: зеленый, коричневый и черный. Автомобили под камуфляжными сетями были припаркованы в стороне от дорог у похожих на казармы зданий. Часовые стояли повсюду, а в стратегически важных местах топорщились над землей низкие горбы бункеров – огневых точек, укомплектованных боевыми расчетами.

Эти бункеры были частью лабиринта подземных сооружений, протянувшихся под всем лагерем, поскольку у «Майбах I» и «Майбах II» были больше подземными, чем наземными базами.

Каждое здание имело три подземных этажа и было связано с соседним коридорами. Самым большим из этих сооружений был «Коммутатор 500» – крупнейший в Германии центр телефонной и телетайпной связи и военной радиосвязи. Он был абсолютно независимым, с собственной системой кондиционирования воздуха (включая специальную фильтрационную систему на случай вражеских газовых атак), водоснабжением, кухнями и жилыми помещениями, и уходил под землю на семьдесят футов – эквивалент семиэтажного здания ниже уровня земли.

«Коммутатор 500» был единственным объектом, которым пользовались и ОКХ и ОКВ. Он не только связывал все отдаленное командование сухопутных сил, военно-морского флота и люфтваффе с обоими штабами и Берлином, но и был главной телефонной станцией

правительства рейха и его многочисленных административных органов. Центр был спроектирован для обслуживания обширной империи, и его строительство было завершено в 1939 году. В главном узле дальней связи десятки операторов сидели перед коммутаторами с мигающими лампочками; над каждым пультом была маленькая табличка с названием города – Берлин, Прага, Вена, Копенгаген, Осло и т. д. Однако на некоторых панелях не горело ни одной лампочки, хотя карточки так и не сняли: Афины, Варшава, Будапешт, Рим и Париж.

Несмотря на все маскировочные меры, комплекс Цоссена подвергся бомбардировке – прежде чем автомобиль остановился у командного пункта Гудериана, Хейнрици успел увидеть ясные тому доказательства. Территория была испещрена воронками, часть деревьев вырвана с корнем, а некоторые здания сильно повреждены. Однако мощные стены построек свели эффект бомбардировок к минимуму – некоторые из стен достигали трех футов в толщину⁵.

Внутри главного здания обнаружилось еще больше свидетельств бомбардировки. Первым, кого увидели Хейнрици и фон Биля, был генерал-лейтенант Ганс Кребс, начальник штаба Гудериана, раненный во время авианалета. Воткнув в правый глаз монокль, он сидел за письменным столом в кабинете рядом с кабинетом Гудериана, его голова была обмотана бинтами наподобие тюрбана. Хейнрици не испытывал к Кребсу особой симпатии. Хотя начальник штаба обладал незаурядным умом, Хейнрици считал его «человеком, который отказывается верить правде и может изменить черное на белое, лишь бы приукрасить истинное положение для Гитлера».

Хейнрици взглянул на Кребса и резко спросил: «Что с вами случилось?»

Кребс, как всегда, невозмутимый, пожал плечами: «О, ерунда. Ничего особенного». До войны он служил военным атташе в посольстве Германии в Москве и почти идеально говорил по-русски. После подписания пакта о русско-японском нейтралитете в 1941 году Сталин обнял Кребса со словами: «Мы всегда будем друзьями». Сейчас, непринужденно болтая с Хейнрици, Кребс заметил, что все еще изучает русский: «Каждое утро я ставлю словарь на полку под зеркалом и, пока бреюсь, успеваю выучить еще несколько слов». Хейнрици кивнул. Вполне возможно, русский скоро окажется Кребсу полезным.

В этот момент к ним присоединился майор Фрайтаг фон Лорингхофен, адъютант Гудериана. С ним вошел капитан Герхард Болдт, еще один сотрудник Гудериана. Они официально приветствовали Хейнрици и фон Биля, затем проводили их в кабинет генерала. На взгляд фон Биля, все были одеты безупречно: сверкающие высокие сапоги, хорошо скроенные, отглаженные серые полевые мундиры с красными петлицами на воротниках. Хейнрици, шагавший впереди с фон Лорингхофеном, казался, как всегда, не на своем месте. Глядя на его потертую дубленку с меховым воротником, фон Биля поморщился.

⁵ Американцы серьезно бомбили Цоссен всего семью днями ранее, 15 марта, по просьбе русских. Письмо маршала Сергея Худякова из штаба Красной армии генералу Джону Дину, главе военной миссии США в Москве, теперь хранится в Вашингтоне и Москве и публикуется здесь впервые. Этот удивительный документ свидетельствует о масштабах действия русской разведки в Германии: «Уважаемый генерал Дин. Согласно имеющейся у нас информации, генеральный штаб немецкой армии расположен в 38 километрах к югу от Берлина в особо укрепленном подземном убежище, которое немцы называют «Цитадель». Он расположен... от 5,5 до 6 км на юго-юго-восток от Цоссена и от 1 до 1,5 км к востоку от широкой автострады... (имперского шоссе 96), которое тянется параллельно железной дороге Берлин – Дрезден. Территория, занимаемая этими подземными укреплениями... покрывает от 5 до 6 квадратных километров. Вся территория окружена заграждениями из колючей проволоки в несколько рядов и очень хорошо охраняется полком СС. Согласно тому же источнику, строительство подземных сооружений было начато в 1936 году. В 1938 и 1939 годах немцы испытали, могут ли эти укрепления выдержать бомбардировки и артиллерийские обстрелы. Я прошу вас, уважаемый генерал, не отказать в любезности как можно скорее передать координаты военно-воздушным силам союзников, чтобы разбомбить «Цитадель» тяжелыми бомбами. Я уверен, что в результате... немецкий генеральный штаб, если он еще находится там, понесет серьезный материальный урон и потери в живой силе, что прекратит его нормальную работу... и (возможно) будет переведен в другое место. Таким образом, немцы потеряют хорошо организованный коммуникационный центр и штаб. Прилагаю карту с точными координатами немецкого генерального штаба (ставки)».

Фон Лорингхофен исчез в кабинете Гудериана, через пару секунд вернулся и распахнул дверь для Хейнрици. «Герр оберстгенерал Хейнрици», – объявил он, когда Хейнрици входил в кабинет, затем закрыл дверь и остался с Болдтом и фон Била в приемной.

Гудериан сидел за большим письменным столом, заваленным бумагами. Когда Хейнрици вошел, хозяин кабинета встал, тепло поздоровался с посетителем, предложил ему присесть и несколько минут расспрашивал о путешествии. Хейнрици видел, что Гудериан напряжен и нервничает. Широкоплечий, среднего роста, с редкими седыми волосами и клочковатыми усами, Гудериан казался гораздо старше своих пятидесяти шести лет. Хотя это не было общеизвестно, он был больным человеком, страдал от высокого кровяного давления и болезни сердца, что, естественно, усугублялось постоянными неприятностями. В эти дни создатель мощных танковых сил Гитлера, генерал, чья бронетехника в 1940 году завоевала Францию всего за двадцать семь дней и который чуть не добился таких же успехов в России, оказался почти совершенно бессильным. Даже будучи начальником генерального штаба, он практически не имел никакого влияния на Гитлера. Вспыльчивый и в самые лучшие времена, сейчас Гудериан, как слышал Хейнрици, был подвержен диким вспышкам ярости.

Беседуя, Хейнрици огляделся. Спартанская обстановка: большой стол для географических карт, несколько стульев с прямыми спинками, два телефонных аппарата, на письменном столе – лампа с зеленым абажуром и совершенно голые желтовато-бежевые стены, только над столом для карт – большой портрет Гитлера в раме. У начальника генерального штаба даже не было ни одного мягкого кресла.

Хотя Гудериан и Хейнрици не были близкими друзьями, они долгие годы знали и уважали профессионализм друг друга и были достаточно хорошо знакомы, чтобы беседовать свободно и неофициально. Как только перешли к делу, Хейнрици заговорил откровенно:

– Генерал, я был в дебрях Венгрии. Я почти ничего не знаю о группе армий «Висла» и ситуации на Одере.

Гудериан говорил так же прямо:

– Я должен сказать вам, Хейнрици, что Гитлер не хотел назначать вас командующим этой группой. У него на примете был кое-кто другой.

Хейнрици промолчал, и Гудериан продолжил:

– За ваше назначение отвечаю я. Я сказал Гитлеру, что вы – именно тот человек, который нам нужен. Сначала он и слышать о вас не хотел, но в конце концов я вынудил его согласиться.

Гудериан говорил деловито, сухо, однако постепенно его тон изменился. Даже двадцать лет спустя Хейнрици в деталях помнил последовавшую тираду:

– Гиммлер. Это была самая большая проблема: избавиться от человека, которого вы должны заменить, – Гиммлера!

Гудериан резко вскочил, обошел письменный стол и зашагал взад-вперед по кабинету. Хейнрици только недавно узнал, что рейхсфюрер Генрих Гиммлер командует группой армий «Висла». Эта новость его тогда так поразила, что сначала он отказывался ей верить. Он знал Гиммлера как члена ближайшего окружения Гитлера, вероятно, самого могущественного – после фюрера – человека в Германии. Он не знал, что у Гиммлера имеется опыт командования действующей армией, не говоря уж об управлении группой армий.

С горечью Гудериан рассказывал, как в январе, когда под напором Красной армии начал рушиться Польский фронт, он отчаянно убеждал создать группу армий «Висла». В то время она представлялась ему северным комплексом армий, удерживающих главную линию обороны между Одером и Вислой от Восточной Пруссии и дальше на юг, где она сомкнулась бы с другой группой армий. Если бы удалось удержать этот фронт, то можно было бы отклонить русскую лавину, которая катилась прямо в самое сердце Германии: через Нижнюю Померанию и Верхнюю Силезию, дальше в Бранденбург и, наконец, в Берлин.

Для командования группой Гудериан предложил фельдмаршала Фрайгера фон Вейкса.

– В то время он был именно тем человеком, который необходим в данной ситуации, – бушевал Гудериан. – И что же случилось? Гитлер сказал, что фон Вейкс слишком стар. На совещании присутствовал Йодль, и я надеялся, что он меня поддержит. Однако он что-то пробормотал о религиозных чувствах фон Вейкса, и это решило дело. И кого же мы получили? Гитлер назначил Гиммлера! Из всех возможных кандидатур – Гиммлера!

Гудериан, по его собственным словам, «спорил и приводил доводы против возмутительного и абсурдного назначения» человека, не имеющего никаких военных знаний, но Гитлер остался непреклонным. Под командованием Гиммлера фронт оказался в катастрофическом положении. Красная армия двигалась точно так, как предсказал Гудериан.

Как только русские форсировали Вислу, часть их войск повернула на север и вышла к Балтийскому морю в районе Данцига, отрезав и окружив от двадцати до двадцати пяти немецких дивизий в одной только Восточной Пруссии. Остальные советские армии рассекли Померанию и Верхнюю Силезию и вышли к рекам Одеру и Нейсе. По всему Восточному фронту против немецких войск сражались превосходящие силы противника, но ни один сектор не обрушился так быстро, как сектор Гиммлера. Провал Гиммлера открыл ворота главному наступлению русских через Германию и их соединению с западными союзниками, а кроме того, поставил под угрозу Берлин.

Гудериан рассказал Хейнрици, что всего сорок восемь часов назад он ездил в ставку группы армий «Висла» в Биркенхайн, примерно в пятидесяти милях к северу от Берлина, чтобы попытаться убедить Гиммлера сдать командование. Там ему сообщили, что Гиммлер болен. В конце концов он обнаружил рейхсфюрера СС в двадцати милях от ставки в городке Лихен, где тот «дрожал от страха в санатории всего лишь с насморком».

Гудериан сразу понял, как можно выгодно использовать «болезнь» Гиммлера. Он выразил свои соболезнования и высказал предположение, что рейхсфюрер переутомился, ибо такое количество занимаемых постов «требует слишком большого напряжения сил от любого человека». Кроме командования группой армий «Висла», амбициозный Гиммлер был также министром внутренних дел, шефом гестапо, полиции и службы безопасности Германии, главой СС и командующим тыловой армией. Почему бы не оставить один из этих постов, предложил Гудериан, например группу армий «Висла»?

Гиммлер с готовностью ухватился за соблазнительное предложение: «Чистая правда, действительно, слишком много обязанностей, требуется огромная выносливость. Но как предложить это фюреру? Как отказаться от «Вислы»?» Гудериан тут же сказал, что, получив полномочия, он сам поговорит с Гитлером, и Гиммлер быстро согласился. Гудериан добавил, что «в тот же вечер после долгого ворчания и с явной неохотой» Гитлер освободил переутомленного, отягощенного множеством обязанностей рейхсфюрера от командования «Вислой».

Гудериан умолк, но лишь на секунду. Саркастическое описание катастрофы перемежалось вспышками гнева, и сейчас он снова взорвался. Он задышался от ярости.

– Неразбериха фантастическая. Руководство невероятно отвратительное. Невероятно!

Гудериан вспомнил, как несколько месяцев пытался заставить Гитлера понять, что «реальная опасность таится на Восточном фронте» и «необходимы радикальные меры». Он настаивал на ряде стратегических отступлений из балтийских областей, особенно из Курляндии в Латвии и с Балкан, даже предлагал уйти из Норвегии и Италии. Везде необходимо было сократить линии фронта, а каждую высвободившуюся дивизию срочно перебросить на русский фронт. Согласно данным разведки, русские имели вдвое больше дивизий, чем западные союзники, однако на Восточном фронте у немцев было меньше дивизий, чем на Западном. Более того, лучшие немецкие дивизии сражались с Эйзенхауэром. Однако Гитлер отказался перейти к обороне; он не верил представленным ему фактам и цифрам.

Затем Гудериан заявил: «Гитлер, вероятно, совершил свою величайшую ошибку», и вот что он имел в виду. В декабре 1944 года Гитлер развернул крупномасштабное отчаянное наступление через холмистые леса Арденн в Бельгии и Северном Люксембурге, похваляясь, что расколет союзников и переломит ход войны. В центр союзного фронта он швырнул три до зубов вооруженные армии – в общем счете 20 дивизий, из них 12 – бронетанковых. Перед ними была поставлена цель разорвать фронт, достичь реки Мез (Маас), затем повернуть на север и захватить важный грузовой порт Антверпена. Союзники не устояли под ударом и быстро откатились, неся тяжелые потери, однако немецкое наступление скоро выдохлось. Быстро оправившись, союзные войска всего за пять недель отогнали потрепанные гитлеровские армии к границам Германии.

– Когда стало ясно, что наступление захлебнулось, – возмущался Гудериан, – я умолял Гитлера вывести наши войска из Арденн и перебросить их на Восточный фронт, где мы в любой момент ожидали наступления русских. Бесполезно. Он отказался поверить нашим оценкам численности их войск.

9 января Гудериан сообщил Гитлеру, что русские могут начать массированное наступление по всему фронту от Балтики до Балкан силами 225 дивизий и 22 бронетанковых корпусов. Оценка ситуации была подготовлена генералом Райнхардом Геленом, шефом разведки Гудериана. В докладе отмечалось, что русские превосходят немцев в пехоте в одиннадцать раз, в бронетанковых войсках – в семь раз, в артиллерии и авиации – в двадцать раз. Гитлер стукнул кулаком по столу и в гневе взревел: «Кто подготовил этот вздор? Кто бы он ни был, его следует отправить в психбольницу!» Через три дня началось наступление русских. Гелен оказался прав.

– Фронт, фактически, развален, – продолжал Гудериан, – потому что большая часть наших бронетанковых дивизий скована на западе. Гитлер в конце концов согласился переместить часть техники, но не позволил мне бросить танки на головные отряды русских восточнее Берлина. И куда он их послал? В Венгрию, на совершенно бессмысленную попытку вернуть нефтяные промыслы. Даже сейчас восемнадцать дивизий бездельничают в Курляндии. А они нужны здесь – не в Прибалтике! Если мы хотим выжить, все, чем мы располагаем, должно быть брошено на Одерский фронт. – Гудериан опять умолк, с трудом успокоился, затем произнес:

– Русские готовы вцепиться нам в глотки. Они остановили наступление, чтобы реорганизоваться и перегруппироваться. По нашим оценкам, у вас есть на подготовку от трех до четырех недель – пока уровень воды в Одере не понизится. За это время русские попытаются укрепиться на новых плацдармах у мостов на западном берегу и расширят те плацдармы, что уже имеют. Русских необходимо отеснить. Не имеет значения, что происходит в остальных местах, русские должны быть остановлены на Одере. Это наша единственная надежда.

Глава 3

Гудериан приказал принести карты. В приемной один из адъютантов снял несколько карт с верха приготовленной стопки, принес их в кабинет и разложил на специальном столе перед обоими генералами.

Хейнрици впервые увидел полную картину. Более трети Германии потеряно – проглочено наступающими с запада и востока союзниками. Все, что осталось, лежало между двумя великими водными преградами: Рейном на западе, Одером на востоке и связующей их рекой Нейсе. К тому же Хейнрици знал, что огромные промышленные районы рейха, еще незахваченные, днем и ночью подвергаются авиабомбардировкам.

Как слышал Хейнрици, на западе армии Эйзенхауэра уже стояли на Рейне, крупной естественной линии обороны Германии. Англо-американские войска растянулись почти на пятьсот миль вдоль западного берега: примерно от Северного моря до швейцарской границы. В одном месте они даже форсировали Рейн. 7 марта американцы захватили мост в Ремагене к югу от Бонна прежде, чем немцы успели его взорвать. Теперь плацдарм в двадцать миль шириной и пять миль глубиной раскинулся на восточном берегу. В любую минуту союзники могли пересечь Рейн и в других местах.

На востоке советские армии заволокли Восточную Европу и удерживали фронт длиной более восьмисот миль: от Балтики до Адриатики. В самой Германии они стояли на линии Одер – Нейсе до чехословацкой границы. Гудериан сообщил Хейнрици, что Советы лихорадочно готовятся возобновить наступление. Самолеты-разведчики заметили подкрепления, все прибывающие и прибывающие к линии фронта. На всех железнодорожных станциях разгружались орудия и снаряжение. Все дороги были забиты танками, автоколоннами, транспортом на конной тяге и пехотой. Какой будет численность Красной армии к моменту наступления, никто не мог оценить даже приблизительно, но на территории Германии выявили три армейские группировки, сосредоточенные в основном прямо напротив позиций группы армий «Висла».

Глядя на наследуемый фронт, Хейнрици в первый раз видел то, что впоследствии назовет «голой, шокирующей правдой».

Тонкая волнистая красная линия на карте отмечала позиции «Вислы», протянувшиеся на 175 миль – от Балтийского побережья к слиянию Одера и Нейсе в Силезии, откуда начинались позиции войск генерал-полковника Шернера. Большая часть фронта пролегла по западному берегу Одера, но было и три главных плацдарма на восточном берегу: на севере в Штеттине, столице Померании XIII века; на юге в городке Кюстрин и в старом университетском городке Франкфурт-на-Одере; два последних – в самом жизненно важном секторе прямо напротив Берлина.

Хейнрици обнаружил, что для того, чтобы помешать русским захватить столицу и проникнуть в самое сердце Германии, у него всего лишь две армии. На северном фланге фронт удерживала 3-я танковая армия под командованием тщедушного генерала Хассо фон Мантейфеля, после Гудериана и Роммеля, вероятно, величайшего тактика танкового боя в вермахте. Его армия занимала позиции протяженностью около 95 миль – от точки севернее Штеттина до слияния канала Гогенцоллерна и Одера приблизительно в 28 милях к северо-востоку от Берлина. Дальше восьмидесятимильная оборона до слияния с Нессе находилась в руках сорокасемилетнего очкарика, генерала Теодора Буссе, и его 9-й армии.

Угнетенный открывшейся перед ним картиной, Хейнрици не был чрезмерно удивлен громадой русских войск. На Восточном фронте стало обыденным делом сражаться без воздушного прикрытия, имея минимум танков и противника, превосходящего по численности

по меньшей мере в девять – десять раз. Хейнрици прекрасно понимал, что все зависит от качества войск. Сейчас его больше всего тревожил состав обеих армий.

Для опытного Хейнрици показателем прошлого дивизии и ее боеспособности служили ее название и имя командира. Сейчас, изучая карту, он обнаружил несколько регулярных дивизий, о которых он ничего не знал. Вместо обычных идентификационных номеров, большинство из них носили странные названия, такие, как «Группа Кассен», «Дебериц», «Нидерланд», «Курмарк», «Берлин» и «Мюнхеберг». Интересно, думал Хейнрици, что это за части? Сборные войска, наспех сколоченные из остатков бывших дивизий? Карта Гудериана не давала ответа на этот вопрос. Хейнрици хотел бы увидеть все своими глазами, так как у него зародилось подозрение, что за этими названиями нет реальных дивизий, однако он не стал озвучивать свои подозрения, ибо Гудериан хотел обсудить более неотложные проблемы, и в особенности Кюстрин.

Самой большой армией Хейнрици была 9-я армия Буссе, стоявшая прямо перед Берлином. Из россыпи красных отметок на карте становилось очевидным, что Буссе находится в тяжелом положении. Русские, как сказал Гудериан, концентрируются напротив 9-й армии. Они прилагают колоссальные усилия, чтобы уничтожить два немецких плацдарма на восточном берегу у Кюстрина и в районе Франкфурта. Ситуация в Кюстрине – самая угрожающая.

В этом секторе в предыдущие недели Красной армии удалось несколько раз форсировать Одер и захватить плацдармы на западном берегу. В большинстве случаев русские были отброшены назад, но, несмотря на отчаянные усилия немцев, все еще удерживали значительные плацдармы по обе стороны Кюстрина. Между этими клешнями оставался единственный коридор, связывавший защитников Кюстрина с 9-й армией. Как только клешни сомкнутся, Кюстрин падет, а русские получат главный плацдарм для броска на Берлин.

Гудериан прервал размышления Хейнрици еще одной неожиданной и неприятной новостью:

– Гитлер решил предпринять атаку на русский плацдарм к югу от Кюстрина, и генерал Буссе ведет подготовку. Я полагаю, атака начнется не позднее чем через сорок восемь часов.

План, как объяснил Гудериан, заключается в наступлении со стороны Франкфурта в 13 милях ниже по течению от Кюстрина. Пять гвардейских танковых дивизий должны форсировать реку, провести наступление по восточному берегу и ударить по южному русскому плацдарму с тыла.

Хейнрици изучил карту. Франкфурт-на-Одере раскинулся на обоих берегах реки, по большей части на западном. Обе части города связаны единственным мостом. Новому командующему группой армий «Висла» со всей очевидностью стали ясны два факта: первый – холмистый восточный берег создает идеальные условия для артиллерии русских; огнем с высот они успешно остановят продвижение немцев. Второй и самый неприятный факт: плацдарм на восточном берегу слишком мал для сосредоточения пяти моторизованных дивизий.

Хейнрици долго размышлял над картой. Он не сомневался, что скопление немецких дивизий будет немедленно обнаружено и подвергнется сначала артиллерийскому обстрелу, а затем воздушной бомбардировке. Хейнрици поднял глаза на Гудериана и просто сказал:

– Это совершенно невозможно.

Гудериан согласился и сердито заметил, что единственный выход для сосредоточения дивизий – «перекатиться одна за другой через мост и выстроиться в колонну из людей и танков в пятнадцать миль длиной». Однако Гитлер настоял на атаке. «Она будет успешной, – заявил он Гудериану, – потому что русские не ожидают такой дерзкой и нетрадиционной операции».

Продолжая изучать карту, Хейнрици увидел, что сектор между Кюстрином и Франкфуртом забит русскими войсками. Даже если бы удалось начать атаку с маленького плацдарма, русские так сильны, что немецкие дивизии никогда не дойдут до Кюстрина.

– Наши войска окажутся прижатыми к Одеру не только русскими, но и своими же тылами. Это будет катастрофа, – мрачно заявил Хейнрици.

Гудериан промолчал, возразить было нечего. Он вдруг взглянул на свои часы и раздраженно воскликнул:

– О боже, в три часа я должен быть в Берлине на совещании у фюрера. – Одно упоминание об этом вызвало новый взрыв ярости. – Невозможно работать, – прошипел Гудериан. – Дважды в день я часами выстаиваю около Гитлера, выслушивая чушь, которую несет его окружение... пустая болтовня! Я ничего не могу делать! Трачу все свое время на дорогу и выслушивание чепухи!

Гнев Гудериана был столь бурным, что лицо его стало красным как свекла, и Хейнрици на мгновение испугался, что сердечный приступ убьет начальника штаба на месте. Гудериан помолчал, пытаясь взять себя в руки, а затем сказал:

– Гитлер собирается обсуждать атаку на Кюстрин. Может быть, вам лучше поехать со мной.

Хейнрици отклонил приглашение:

– Если предполагается, что я должен начать эту безумную атаку послезавтра, то мне лучше попасть в свой штаб как можно скорее. – Затем он упрямо добавил: – Гитлер может подождать меня несколько дней.

В приемной Генрих фон Била отмечал время по стопке карт, все уменьшавшейся по мере того, как их уносили в кабинет Гудериана. Оставалось всего одна-две, значит, совещание подходит к концу. Фон Била склонился на стол и лениво взглянул на верхнюю. Это была карта всей Германии, но надписи казались несколько иными. Фон Била уже хотел отвернуться, когда что-то привлекло его внимание. Он всмотрелся попристальнее. Карта действительно отличалась от всех остальных. Надписи на ней были сделаны по-английски. Он наклонился и стал внимательно изучать карту.

Глава 4

Было почти шесть часов вечера, когда усталый Хейнрици добрался до своего штаба в Биркенхайне около Пренцлау. Все два с половиной часа, что они ехали из Цоссена, он молчал. Фон Била попробовал завести разговор, спросив генерала, видел ли он «ту» карту. Он допускал, что Гудериан показал Хейнрици ее копию, и объяснил содержание. На самом деле Хейнрици ничего о «той» карте не знал, и на вопрос адъютанта не ответил, только еще крепче стиснул зубы. Никогда прежде фон Била не видел шефа таким подавленным.

Первый же взгляд на новую штаб-квартиру привел Хейнрици в еще большее уныние. Командный пункт группы армий «Висла» состоял из внушительных размеров особняка и деревянных казарм по обе стороны от него. Главное здание было архитектурным монстром – массивное, аляповатое, с рядом несоответственно больших колонн вдоль фасада. Много лет назад Гиммлер построил его лично для себя. Неподалеку на железнодорожной ветке стоял его роскошный личный поезд, «Штайермарк».

Как и в Цоссене, этот штаб был спрятан в лесах, но на этом сходство заканчивалось. Не наблюдалось ни намека на военную суету, которую Хейнрици привык видеть в штабах действующих армейских группировок. Штаб казался покинутым. Только в холле главного здания обнаружился капрал СС, который спросил их фамилии, указал на твердую скамью и исчез.

Несколько минут спустя появился высокий, безупречно одетый генерал-лейтенант СС. Он представился начальником штаба Гиммлера Хейнцем Ламмердингом и непринужденно объяснил, что рейхсфюрер «занят на очень важном совещании» и «пока его нельзя беспокоить». Вежливый, но сдержанный, Ламмердинг не пригласил Хейнрици подождать в его кабинете и не выказал никаких обычных знаков гостеприимства. Развернувшись на каблуках, он оставил Хейнрици и фон Била ожидать в холле. Никогда еще за все годы пребывания в высших чинах с Хейнрици не обращались так бесцеремонно.

Он терпеливо ждал пятнадцать минут, затем тихо обратился к фон Била:

– Пойдите к этому Ламмердингу и скажите, что я не намереваюсь сидеть здесь ни одной минутой дольше. Я требую встречи с Гиммлером немедленно.

Через несколько секунд Хейнрици провели по коридору в кабинет Гиммлера.

Гиммлер стоял у своего письменного стола. Среднего роста, коротконогий, его ноги были гораздо короче торса (один из его штабистов назвал их «задними ногами быка»). Маленькие ладони, мягкие и женственные, с длинными пальцами. Узкое лицо, скошенный подбородок, прищуренные глаза за стеклами очков в простой тонкой стальной оправе, маленькие усики, тонкие губы. Хейнрици бросилось в глаза, что кожа Гиммлера «бледная, обвисшая и пористая».

Гиммлер подошел к Хейнрици, пожал ему руку и сразу же пустился в длинные объяснения.

– Вы должны понять, – начал он, беря Хейнрици под руку и подводя его к креслу, – что мне было очень трудно принять решение покинуть группу армий «Висла». Однако, как вы безусловно знаете, у меня так много постов, так много работы... и к тому же я неважно себя чувствую.

Усевшись за стол, Гиммлер откинулся на спинку стула.

– Сейчас я обрисую вам ситуацию. Я приказал принести все карты, все доклады.

Вошли два солдата СС – стенографист и посыльный с большой стопкой карт, а за ними два штабных офицера. Хейнрици с радостью отметил про себя, что офицеры в форме вермахта, а не СС: генерал-лейтенант Эберхард Кинцель, заместитель начальника штаба, и полковник Ганс Георг Айсман, начальник оперативного отдела. Хейнрици особенно обра-

довался Айсману, которого знал как исключительно компетентного штабного офицера. Ламмердинг отсутствовал.

Гиммлер подождал, пока все рассядутся, и начал трагическую речь, полную самооправданий. Хейнрици вспоминал, что «он начал с Адама и Евы», а потом пустился в такие мутные объяснения, что «ничего из сказанного им не имело смысла».

И Кинцель и Айсман знали, что Гиммлер может говорить так часами. Через несколько минут Кинцель покинул компанию под благовидным предлогом «неотложных дел». Айсман наблюдал за Гиммлером и Хейнрици, мысленно сравнивая их. Хейнрици, «стойкий, седовласый, старый солдат, серьезный, подтянутый, невысокий человек, для которого вежливость – дело само собой разумеющееся», и Гиммлер, штатский выскочка, «который не умел читать карты», дико жестикулирующий, «снова и снова напыщенно упоминавший самые незначительные факты».

Айсман чувствовал, что Хейнрици шокирован и возмущен. Он сам терпел сколько мог, затем тоже извинился, сославшись на неотложные дела. Несколько минут спустя Хейнрици заметил, что стенографист, не поспевавший за шефом, отложил карандаш. Хейнрици, изнывая от скуки, сидел молча, пропуская словесный поток мимо ушей.

Вдруг на столе Гиммлера зазвонил телефон. Гиммлер поднял трубку, послушал с минуту, меняясь в лице, затем передал трубку Хейнрици.

– Вы – новый командующий, и этот звонок касается вас.

Хейнрици взял трубку.

– Хейнрици у телефона, – сказал он. – Кто это?

Звонил генерал Буссе, командующий 9-й армией. Хейнрици слушал, каменея на глазах. Катастрофа уже разразилась над его новой армией. Русские заметили подготовку Буссе к атаке на Кюстрин. 25-я танковая дивизия, одна из лучших дивизий Буссе, которая месяцами удерживала открытый коридор между русскими плацдармами по обе стороны Кюстрина, потихоньку отводилась со своих позиций, готовясь к наступлению. Другая дивизия, 20-я танковая, выдвигалась на позиции 25-й. Русские увидели эту рокировку и напали с севера и юга. Как и боялся Гудериан, клешни сомкнулись. 20-я танковая дивизия оказалась отрезанной, Кюстрин – изолирован, и русские овладели главным плацдармом для штурма Берлина.

Хейнрици прикрыл ладонью микрофон и мрачно пересказал Гиммлеру новости. Рейхсфюрер нервно пожал плечами:

– Ну, теперь вы командующий группой армий «Висла».

– Послушайте, – взвился Хейнрици. – Я ничего не знаю об этой группе армий. Я даже не знаю, какие там соединения и кто где должен находиться.

Гиммлер тупо посмотрел на Хейнрици. Тот сразу понял, что помощи от предшественника не дождется, и приказал Буссе контратаковать, одновременно пообещав, что приедет на фронт как можно скорее. Когда Хейнрици положил трубку, Гиммлер снова пустился в путаные объяснения, как будто ничего не случилось.

Однако терпение Хейнрици уже лопнуло. Он резко прервал Гиммлера и сказал, что должен узнать взвешенное и всестороннее мнение рейхсфюрера о Германии и ее будущем. Как позже вспоминал Хейнрици, его вопрос Гиммлеру «был явно неприятен». Гиммлер вскочил, обошел стол и, взяв Хейнрици под руку, отвел его к дивану в дальний конец кабинета, где их не мог подслушать стенографист. Затем очень тихо Гиммлер доверительно сообщил сногсшибательную новость: «Через нейтральную страну я предпринял необходимые меры, чтобы начать переговоры с Западом... Вы понимаете, что я говорю это вам совершенно конфиденциально».

При воцарившемся молчании Гиммлер выжидательно смотрел на преемника, очевидно надеясь на какой-то комментарий. Хейнрици был потрясен. Это была измена, предательство Германии, ее армий и ее лидеров. Он с трудом контролировал свои мысли. Неужели Гимм-

лер говорит правду? Или это хитрость? Или провокация? Хейнрици верил: амбициозный Гиммлер способен на что угодно, даже на измену, ради захвата личной власти. Умудренный опытом, фронтовой генерал сидел молча. Гиммлер вызывал у него отвращение самим своим присутствием.

Неожиданно распахнулась дверь, и появился офицер СС. Гиммлер, похоже, испытал облегчение.

– Герр рейхсфюрер, офицеры штаба собрались, чтобы попрощаться с вами, – объявил эсэсовец.

Гиммлер поднялся и, не вымолвив больше ни слова, покинул кабинет.

К восьми часам вечера Гиммлер, его эсэсовцы и телохранители покинули ставку. Они забрали с собой все, включая, как скоро обнаружил Бальцен, ординарец Хейнрици, столовые приборы, тарелки, даже чашки с блюдами. Их отъезд был настолько бесповоротным, словно Гиммлера вообще никогда не было в этом доме. В своем роскошном личном поезде Гиммлер унесся в ночь подальше от Одерского фронта, на запад.

Разъяренный Хейнрици остался. Гнев и отвращение нового командующего возросли, когда он осмотрел свой штаб. Как вспоминал один из его офицеров, «гнев Хейнрици еще более усилился» после того, как он увидел слишком чувственный, женственный интерьер особняка. Огромный кабинет и вся его обстановка были белыми. В спальне все было нежно-зеленым – шторы, ковры, обивка, даже одеяла и постельное белье. Хейнрици едко заметил, что этот дом больше приличествует «изнеженной женщине, чем солдату, пытающемуся управлять армией».

Позже в тот вечер Хейнрици, как обещал, позвонил своему бывшему начальнику штаба в Силезии и рассказал ему о том, что произошло. Он уже сумел справиться со своими эмоциями и мог думать о разговоре с Гиммлером более спокойно. Откровения рейхсфюрера были слишком фантастичными, чтобы в них верить, и Хейнрици решил забыть о них. В телефонном разговоре со своим старым коллегой он сказал: «Гиммлер уехал с превеликой радостью. Умчался, только его и видели. Он не хотел числиться командующим, когда разразится катастрофа. Нет. Для этого ему нужен был простой генерал, так что я – козел отпущения».

Адъютант Хейнрици, капитан Генрих фон Била, беспокойно мерил шагами отведенную ему комнату. Он никак не мог выбросить из головы карту, которую видел в штабе Гудериана в Цоссене. Ему казалось странным, что никто не мешал ему изучать ту карту, хотя она явно была секретным штабным документом. Гудериан, должно быть, показывал ее Хейнрици, хотя старик и не подал виду. Неужели карта менее важна, чем ему показалось? Может быть, она даже была изготовлена в штабе Гудериана – как немецкая оценка намерений союзников. И все же фон Била не мог в это поверить. Почему тогда надписи на английском языке, а не на немецком? Напрашивалось лишь единственное иное объяснение: это действительно была карта союзников, каким-то образом захваченная немецкой разведкой. Если это правда – а ничего другого фон Била придумать не мог, – значит, он должен найти способ предупредить свою жену и троих детей. Согласно той карте, если Германия потерпит поражение, его дом в Бернберге окажется в зоне, контролируемой русскими. Если только у него не разыгралось воображение, фон Била действительно видел сверхсекретный план оккупации и разделения Германии союзниками.

Глава 5

Оригинал той карты и сопроводительные документы лежали в 50 милях от фон Била, в сейфе на Ауфдем-Грат, 1 в Далеме, в Берлине – в запасной штаб-квартире генерал-полковника Альфреда Йодля, начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами Германии (ОКВ). Из всех фантастических секретов, попадавших в руки немецкой разведки во время войны, это досье в красной папке было самым разоблачительным документом, который Йодль когда-либо читал. В папке находились письмо и семидесятистраничный пояснительный меморандум; в черную обложку были вшиты две сложенные карты большого формата, каждая примерно двадцать на восемнадцать дюймов в масштабе в одном дюйме двадцать девять миль. Йодль размышлял, обнаружили ли уже союзники, что пропала копия преамбулы к одной из их совершенно секретных военных директив. Она была украдена у британцев в конце января в последние дни наступления в Арденнах.

Гитлер считал, что если этот план союзников станет известным, то последствия будут непредсказуемыми, и поэтому немногим в штабе ОКВ было позволено его увидеть. В первую неделю февраля фюрер, проведя целый вечер за изучением досье, классифицировал его как «Государственная тайна, совершенно секретно». Только военные советники Гитлера и их сотрудники могли изучать этот план, но больше никто. Даже члены его собственного кабинета не были проинформированы. Однако, несмотря на эти ограничения, один штатский видел документы и карты: фрау Луиза Йодль, на которой генерал женился всего несколько недель назад.

Однажды вечером перед самой свадьбой генерал Йодль решил показать эти документы своей невесте. В конце концов, она была знакома со многими военными тайнами, как доверенный секретарь Верховного главнокомандования Германии. Положив все досье в портфель, генерал Йодль отвез его в квартиру невесты, находившуюся в квартале от штаба. Как только дверь за ним закрылась, он показал невесте бумаги со словами: «Вот что союзники собираются сделать с Германией».

Луиза положила папку на стол и начала перелистывать страницы. Она давно научилась читать военные документы и карты, но в этом случае ее знания не требовались – все было предельно ясно. У нее оборвалось сердце. Она держала в руках план оккупации фатерланда после поражения Германии. У кого-то в штабе Эйзенхауэра, подумала она, мстительное чувство юмора. На обложке файла был напечатан леденящий заголовок: «Операция «Иклипс» («Затмение»).

Забрав у невесты досье, генерал Йодль развернул карты и расстелил их на столе.

– Посмотри, – с горечью сказал он, – посмотри на границы.

Луиза молча изучала толстые пограничные линии. На северной и северо-западных областях стояли буквы в дюйм высотой «UK». На южной Баварской зоне – «USA». И остаток рейха, почти весь центральный регион и дальше на восток был помечен «USSR». Даже Берлин, с тревогой заметила Луиза, был разрезан на ломти «Большой тройкой». Оказавшийся в центре русской зоны Берлин был обведен кружком и разделен союзниками на три сектора: американцам достался юг; британцам – север и весь северо-запад; Советам – северо-восток и восток. Вот какова цена поражения. Луиза взглянула на будущего мужа и произнесла: «Это похоже на кошмар».

Хотя Луиза знала, что карта подлинная, верилось в это с трудом. Откуда могла взяться папка? Луиза не один год была знакома с генералом Йодлем и знала, что есть вещи, о которых он предпочитает не говорить. Она всегда считала Альфреда «замкнутым, прячущим свое истинное лицо под маской даже от меня». Теперь он ответил ей уклончиво. Хотя он и

подтвердил, что карты и документы – подлинные, он не открыл ей, как они были добыты, лишь заметил, что «мы взяли их из британского штаба».

Только много позже, уже после того, как Йодль вернулся в свой штаб, Луиза осознала другой страшный аспект операции «Иклипс». После поражения Германии ее родственники, живущие в горах Гарца, останутся в зоне, оккупированной русскими. Хотя Луиза любила Альфреда Йодля и была абсолютно предана своей стране, она приняла очень человеческое решение. На этот раз она проигнорирует предупреждения Альфреда никогда никому не раскрывать ничего из того, что она видела, читала или слышала. Она не допустит, чтобы ее невестка и ее четверо маленьких детей попали в руки русских.

Луиза решила рискнуть. Она знала приоритетный кодовый номер телефона генерала. Сняв трубку, она назвала его оператору и позвонила родственникам. Через несколько минут ее соединили. После короткого и безобидного разговора с изумленной невесткой Луиза вскользь упомянула в заключение: «Знаешь, в эти дни дует очень сильный восточный ветер. Я считаю, что тебе и детям следует переехать на запад за реку».

Луиза медленно положила трубку, надеясь, что ее неуклюже зашифрованное послание понято. На другом конце линии невестка удивилась, почему Луиза позвонила так поздно ночью. Конечно, приятно было услышать ее голос, но о чем Луиза говорила, она не поняла... и больше об этом не вспоминала.

Генерал и Луиза поженились 6 марта. Фрау Йодль беспокоилась, что ее муж может каким-то образом узнать о ее звонке. Беспокоилась она зря. У сверхзанятого генерала были более важные проблемы.

Йодль и его штабные офицеры изучили и проанализировали операцию «Иклипс» так тщательно, что знали каждый абзац чуть ли не наизусть. Хотя документ не был стратегическим, то есть он не предупреждал о скорых вражеских передвижениях, требующих соответствующих немецких контрмер, он был почти столь же важным. Во-первых, он помог ответить на ряд вопросов, годами терзавших Йодля и штабистов ОКВ: насколько крепок союз между западными странами и Советским Союзом? Не распадется ли коалиция, когда союзники усядутся делить трофеи? Теперь, когда русские войска заняли большую часть Центральной Европы, остается ли в силе заявление о «безоговорочной капитуляции», сделанное Черчиллем и Рузвельтом в 1943 году после конференции в Касабланке? И действительно ли союзники собираются навязать такие условия побежденной Германии? Когда Йодль и Верховное главнокомандование Германии изучили документы «Иклипс», все вопросы о намерениях союзников исчезли. Документы давали ясные ответы, не допускавшие двойного толкования.

Только на второй неделе февраля Йодль осознал всю важность документа, в особенности его карт. 9 февраля и в течение трех следующих дней Рузвельт, Черчилль и Сталин встречались на секретном совещании в Ялте. Несмотря на усилия разведки, не удалось выяснить, что же там конкретно обсуждалось. Йодль знал только то, что содержалось в официальном коммюнике, опубликованном в международной прессе 12 февраля, но и этого было достаточно.

В одном абзаце официального коммюнике говорилось: «Мы пришли к единому мнению об общей политике и совместных планах выполнения условий безоговорочной капитуляции... Эти условия станут известными только после окончательного поражения Германии... По согласованному плану войска каждой из трех держав оккупируют отдельную зону Германии...» Союзники могли и не публиковать «условия» – Йодль уже прочитал их в досье «Иклипс». И хотя в ялтинском коммюнике не раскрывались предполагаемые зоны оккупации, Йодль и их знал. Положение и точные границы каждой зоны были показаны на картах плана «Иклипс».

Из прочитанного можно было сделать и другие выводы, но один из них был особенно горьким для Йодля. Стало ясно: что бы еще ни произошло в Ялте, планы союзников насчет Германии на совещании «Большой тройки» были просто ратифицированы. Хотя ялтинское коммюнике создавало впечатление, что план расчленения и оккупации Германии возник именно на этом совещании, даты на документах и картах досье «Иклипс» неопровержимо доказывали, что главные решения были приняты за много месяцев до того. Сопроводительное письмо, подшитое к меморандуму «Иклипс», было подписано в январе. Карты были подготовлены еще раньше: отпечатаны они были в конце 1944 года и помечены ноябрем. Очевидно, что операция «Иклипс», определявшая «планирование и действия по оккупации Германии», не появилась бы на свет, если бы между союзниками не царил полное взаимное согласие – отрезвляющий факт, разрушающий последние надежды Германии.

С того момента, как Красная армия пересекла восточные границы рейха, Гитлер и его военные советники ждали появления первых признаков раскола в лагере союзников. Они верили: что-то обязательно произойдет, так как считали, что Запад никогда не позволит Советской России господствовать в Центральной Европе. Йодль разделял это мнение. Особенно он рассчитывал на британцев, ибо чувствовал, что они не потерпят подобной ситуации⁶.

Однако это было до того, как Йодль увидел своими глазами план операции «Иклипс». План безусловно доказывал, что союз нерушим, и Ялта это подтвердила.

Кроме того, первый же абзац сопроводительного письма – преамбула ко всему досье – доказывал полное согласие между союзниками. «В целях выполнения условий капитуляции Германии правительства Соединенных Штатов, Советского Союза и Соединенного Королевства (далее также называемого Доминионами) договорились о том, что Германия должна быть оккупирована вооруженными силами трех держав»⁷.

Невозможно было оспаривать полномочия документа. Он был подписан в январе 1945 года в штабе 21-й британской группы армий, затем в Бельгии персоной не менее важной, чем генерал-майор сэр Фрэнсис де Гинганд, начальник штаба фельдмаршала Монтгомери.

Самым сокрушительным ударом для Йодля было постоянное подчеркивание безоговорочной капитуляции; это условие повторялось снова и снова. Вначале немцы были уверены, что заявление о безоговорочной капитуляции не более чем пропаганда, целью которой является укрепление боевого духа войск союзников. Теперь они точно знали, что намерения союзников серьезны. «Единственный возможный ответ на тотальные военные успехи, – говорилось в плане «Иклипс», – тотальное поражение и тотальная оккупация... Необходимо прояснить, что немцы не смогут вести переговоры в нашем смысле этого слова».

Намерение союзников не обещало никакой надежды, никакого будущего для Германии. Было очевидно, что, даже если рейх захочет капитулировать, для Германии возможна лишь безоговорочная капитуляция. Для Йодля это означало, что Германии не оставалось ничего другого, кроме как сражаться до жестокого конца⁸.

⁶ На совещании 27 января 1945 года Гитлер спросил Геринга и Йодля: «Думаете ли вы, что энтузиазм англичан по поводу успехов русских искреннен?» – «Безусловно, нет, – без колебаний ответил Йодль. – У них совершенно другие планы... позднее... они полностью это осознают». Геринг испытывал не меньшую уверенность: «Наверняка они не рассчитывали, что мы... будем, как сумасшедшие, драться с ними на западе, пока русские все дальше проникают в Германию». И с этим Йодль был полностью согласен и заметил, что «британцы всегда поглядывали на русских с подозрением». Геринг был уверен в том, что британцы скорее попытаются прийти к какому-нибудь компромиссу с рейхом, чем позволят сердцу Европы попасть в коммунистическую орбиту. «Если так будет продолжаться, – сказал он, – мы получим телеграмму (от британцев) через несколько дней».

⁷ Следует отметить, что между оригиналом и переводом документа могут быть небольшие различия. Когда план «Иклипс» был захвачен, он был переведен на немецкий и затем сфотографирован. Версия, приведенная выше, – перевод захваченного документа обратно на английский.

⁸ На суде над Йодлем в Нюрнберге в 1946 году его спросили, почему он не посоветовал Гитлеру капитулировать в начале 1945 года. Йодль ответил: «Аргументом против такого решения было, главным образом... требование безоговорочной

В последнюю неделю марта – точный день никто позже не мог вспомнить – генерал Райнхард Гелен, начальник разведки Гудериана, приехал в Пренцлау на совещание с новым командующим группой армий «Висла». В его портфеле находилась копия плана операции «Иклипс». Гелен ознакомил Хейнрици с последними сведениями о расположении русских войск на Одере, затем предъявил досье «Иклипс» и объяснил, что это такое. Хейнрици медленно пролистал страницы, затем долго изучал карты и наконец поднял глаза на Гелена. В одной фразе он резюмировал то, что уже было ясно Верховному главнокомандованию. «Это смертный приговор», – сказал он.

Несколько дней спустя – в Вербное воскресенье 25 марта – генерал-полковник Йодль снова изучал карты операции «Иклипс». У него на это были веские причины. В четверг ночью части 3-й армии США генерала Джорджа С. Паттона форсировали Рейн в районе деревушки Оппенхайм близ Майнца и теперь двигались к Франкфурту. На следующий день на севере войска фельдмаршала Монтгомери в массированном наступлении по двадцатипятикилометровому фронту также перешли реку. Несмотря на сопротивление немцев, Рейнский фронт крошился и западные союзники быстро продвигались. Сейчас Йодль, с тревогой изучавший карты операции «Иклипс», задавал себе вопрос, насколько далеко в глубь Германии собираются пройти союзники. Это был единственный вопрос, на который меморандум «Иклипс» не давал ответа. Йодль жалел, что не располагает другими частями плана, особенно той частью, в которой описываются военные действия.

Однако карты давали ключ к разгадке. Йодль даже упомянул об этом своей жене. Это было только предчувствие, но Йодль полагал, что он прав. На картах была показана демаркационная линия между англо-американцами и русскими. Она пролегла по Эльбе от Любека до Виттенберге, затем плавно поворачивала на юг к окрестностям Айзенаха, затем сворачивала прямо на восток к чешской границе. Может быть, эта линия была не только зональной границей, но и конечной целью наступления англо-американских войск? Йодль был почти уверен в этом. Он сказал жене, что вряд ли американцы и британцы направляются к Берлину; он верил, что они решили предоставить захват столицы Красной армии. Если только карты не фальсифицированы, похоже, войска Эйзенхауэра остановятся на обозначенной в «Иклипсе» линии.

капитуляции... и даже если бы у нас было хоть какое-то сомнение в отношении будущего, оно было полностью отменено тем фактом, что мы захватили английский вариант плана «Иклипс». В этом месте своих показаний Йодль взглянул на присутствующих британских офицеров и, криво улыбнувшись, сказал: «Господа из британской делегации наверняка знают, о чем я говорю». На самом деле на суде британцы пропустили это замечание мимо ушей: план «Иклипс» держался в таком секрете, что они ничего о нем не знали. Именно это таинственное замечание и несколько интервью с фрау Йодль привели автора к плану операции «Иклипс», и его содержание публикуется здесь впервые.

Часть третья

Цель

Глава 1

В Вербное воскресенье незадолго до полуночи у серого каменного здания в Сиссонне, в Северной Франции, где размещался штаб 82-й воздушно-десантной дивизии, остановился американский штабной автомобиль. Из него вышли два офицера. Один – в американской военной форме, другой – в британской полевой форме без знаков различия. Вторым мужчиной, высокий и худощавый, был в аккуратном зеленом берете на белокурых волосах, в ярком контрасте с которыми пылали пышные и дерзкие рыжие усы. И для британцев, и для американцев его имя было почти непроницаемым: Ари Д. Бестебрёртье. Он был широко известен как Ари или капитан Гарри, но даже эти имена менялись в соответствии с заданиями, которые он выполнял за немецкой линией фронта. Ари был агентом частей особого назначения (десантно-диверсионных войск) и сотрудником Голландской разведывательной службы.

Несколько дней назад начальство вызвало Ари в Брюссель и сообщило, что он приписан к 82-й дивизии для специальной операции. Он должен был явиться к 38-летнему генерал-майору Джеймсу М. Гавину, командиру 82-й дивизии, чтобы принять участие в совершенно секретном совещании. Ари и сопровождавший его офицер вошли в штаб, поспешно поднялись по лестнице на второй этаж и прошли по коридору к хорошо охраняемой комнате, где хранились карты. Здесь военный полицейский проверил их документы, отсалютовал и открыл дверь.

В помещении Ари радушно встретили генерал Гавин и начальник его штаба полковник Роберт Винеке. Большинство из находившихся в комнате офицеров были старыми друзьями Ари: он прыгал с парашютом и сражался бок о бок с ними в нападении 82-й на голландский Неймеген. Его начальство в Брюсселе не преувеличило мер безопасности, которых ему следовало ожидать. Присутствовало всего пятнадцать офицеров: командиры полков и некоторые члены их штабов, все явно тщательно отобранные. Комната была обставлена очень просто: несколько скамей и столов, несколько карт на стенах. В одном конце помещения занавес закрывал большую карту размером во всю стену.

Офицер безопасности назвал имя каждого офицера и сверил его со списком, затем генерал Гавин начал совещание. Встав у занавешенной карты, он жестом пригласил всех подойти к нему. «На это совещание пригласили только тех, для кого все, сообщенное сегодня, абсолютно необходимо, – начал он. – И я должен подчеркнуть, что до получения дальнейших приказов ничто из того, что вы услышите сегодня, не должно выйти за пределы этой комнаты. В некотором смысле вы будете тренировать своих людей в полном неведении, поскольку не сможете открыть им цель. Фактически, вы уже частично подготовили их, хотя большинство из вас совершенно об этом не подозревали. В последние несколько недель вы и ваши люди прыгали или летали над особым тренировочным районом, намеренно размеченным так, чтобы имитировать действительные масштабы следующей цели нашего наступления. Господа, мы бьем на поражение. Мы нанесем сокрушительный удар».

Генерал дернул шнур, висевший сбоку от карты. Шторы разъехались, открыв цель: Берлин.

Ари пристально взгляделся в лица офицеров, смотревших на карту, и увидел энтузиазм и предвкушение. Он не удивился. Уже месяцы эти командиры жаждали настоящего дела. Большинство из них выбрасывались со своими частями на Сицилии, в Италии, в Нормандии

и Голландии, но в последнее время дивизии отводилась роль сухопутных войск, главным образом в Арденнах в «битве на выступе». Ари знал, что, будучи командирами отборных воздушно-десантных частей, они чувствовали, что не выполняют свое истинное предназначение: штурмовать цели впереди наступающих армий, а затем удерживать их, пока не подойдут основные войска. Союзники наступали столь быстро, что запланированные парашютные десанты снова и снова отменялись.

«Штурм Берлина, – объяснял Гавин, – часть операции 1-й союзнической воздушно-десантной армии, в которой будут задействованы соединения из трех дивизий. 82-й, обозначенной «Оперативная группа «А», отводится главная роль. – Скатав вверх прозрачное покрытие карты, Гавин указал на ряд квадратиков и овалов, начерченных черным жирным карандашом вокруг различных объектов и зон выброски. – По существующим планам, – сказал он, – 101-я воздушно-десантная дивизия занимает аэродром Гатов к западу от города. Бригада 1-го воздушно-десантного корпуса захватывает аэродром Ораниенбург на северо-западе... Наша цель находится в самом Берлине – это аэропорт Темпельхоф».

Цель 82-й дивизии казалась неправдоподобно маленькой. Среди 321 квадратной мили, занимаемой городом и его окрестностями, аэропорт выглядел почтовой маркой – зеленым пятном едва ли в полторы квадратные мили, стиснутым плотной застройкой. С севера, востока и юга к нему грозно подступало не менее девяти кладбищ. «Два полка рассредоточатся по периметру аэропорта, – говорил Гавин, – а третий займет здания, обращенные к центру Берлина, в северной части поля. Мы будем удерживать плацдарм силами воздушного десанта до подхода сухопутных войск. Ждать придется недолго, самое большее – несколько дней».

Гавин также отметил, что «слепую» тренировку парашютистов следует проводить более интенсивно. Рельефные модели Темпельхофа и окружающих районов необходимо разместить в находящихся под особой охраной помещениях штабов; фотографии зоны высадки, данные разведки и все другие материалы будут предоставлены командирам полков и их штабам для конкретного планирования.

«Большая удача, что в нашем распоряжении находится капитан Гарри, – продолжал Гавин. – Он эксперт по Берлину, особенно по Темпельхофу и прилегающим районам. Он будет выброшен с парашютом вместе с нами и сможет присутствовать на совещаниях и отвечать на все ваши вопросы».

Гавин сделал паузу и обвел взглядом своих офицеров.

«Не сомневаюсь, что все вы хотите знать ответ на главный вопрос: как скоро? Это зависит от немцев. План воздушного десанта разрабатывался с ноября прошлого года. Он постоянно менялся, и мы должны ожидать еще больше изменений до начала операции. День «А», как обозначен этот день, зависит от скорости продвижения союзников к Берлину. Естественно, дата десантирования будет назначена не раньше, чем сухопутные войска окажутся на приемлемом расстоянии от города. Однако вполне вероятно, что до дня «А» осталось не более двух-трех недель. Так что у нас не очень много времени. Вот и все, что я могу сказать вам сейчас».

Гавин отступил и дал слово своим штабистам. Один за другим они объясняли различные фазы операции, но Гавин слушал невнимательно. Как он впоследствии вспоминал, он сожалел о том, что из-за требований секретности не может полностью раскрыть детали. Он был далеко не искренен, ибо сообщил своим офицерам только часть плана операции 1-го союзнического воздушно-десантного корпуса – оперативные действия по захвату аэропортов во взаимодействии с наступающими на Берлин союзниками. Он не упомянул, что приказ на это десантирование может быть отдан в совершенно другой военной обстановке: при неожиданном крахе или капитуляции Германии и ее вооруженных сил. Та часть плана все еще оставалась совершенно секретной. Она являлась логическим продолжением операции

«Оверлорд» – вторжения в Европу – и некоторое время называлась операция «Рэнкин, Кейз Си», а позже операция «Талисман». Последнее название изменили в ноябре 1944 года в целях безопасности. Теперь операция называлась «Иклипс».

План «Иклипс» был столь секретным, что, кроме высокопоставленных офицеров штаба Верховного главнокомандующего, только паре десятков генералов было разрешено изучить его. Это были командиры армий или корпусов или представители других служб с эквивалентными полномочиями. Мало кто из командиров дивизий знал об «Иклипсе». Сам Гавин знал только некоторые из целей и те части плана, что касались непосредственно его и его дивизии.

В предшествующие месяцы на бесконечных совещаниях, на которых присутствовали генерал Льюис Брэртон, командир 1-й союзнической воздушно-десантной армии, и непосредственный начальник Гавина, генерал-майор Мэтью Б. Риджуэй, командир 18-го корпуса, о «Иклипсе» говорили как о плане оккупации Германии. План детализировал оперативные действия, которые должны быть предприняты немедленно в случае поражения или капитуляции Германии. Его главными целями были принуждение к безоговорочной капитуляции, разоружение всех немецких войск и контроль над ними.

В той части «Иклипса», где был распланирован воздушно-десантный штурм Берлина, парашютистам предписывалось действовать быстро, чтобы «завладеть вражеской столицей и главным административным и транспортным центром... и продемонстрировать наше вооруженное присутствие». Десантники должны были подавлять любые оставшиеся очаги сопротивления фанатиков; спасать военнопленных и заботиться о них; захватывать секретные документы, досье и фото пленки, не допуская их уничтожения; овладевать информационными центрами, такими, как почтовые и коммуникационные ведомства, радиостанции, редакции газет и типографии; брать в плен военных преступников и уцелевших членов правительства, устанавливать закон и порядок. Воздушно-десантные войска должны были предпринимать все эти меры до прибытия сухопутных войск и групп военного правительства.

Вот и все, что было сообщено Гавину об операции «Иклипс». О том, как по плану «Иклипс» собирались оккупировать или разделить на зоны Германию и Берлин, он ничего не знал. В данный момент единственной обязанностью Гавина было подготовить 82-ю дивизию, однако, чтобы удовлетворить всем требованиям, необходимо было разработать два отдельных плана. Первый – оперативный план захвата города. Второй план, исходя из условий «Иклипса», требовал сбросить на Берлин десантные части, как авангард, но исключительно с полицейскими функциями. Гавин сообщил своим командирам только то, на что имел право, хотя знал, что, если война закончится неожиданно, боевая задача воздушного десанта круто изменится. На данный момент приказ был недвусмысленным: следовать оперативному плану и подготовить 82-ю дивизию к воздушному десанту с целью захвата Берлина.

Гавин очнулся от своих мыслей и услышал конец речи офицера голландской разведки: «Я должен повторить, что, если вы ожидаете помощи от кого-либо в Берлине, забудьте об этом. Найдете ли вы проводников, желающих помочь? Ответ: нет. Есть ли подполье, аналогичное тому, что мы имели во Франции и Голландии? Ответ: нет. Даже если кто-то из берлинцев сочувствует нам, они слишком запуганы, чтобы продемонстрировать свои симпатии. Позже мы сможем обсудить эти вопросы более детально, но сейчас позвольте мне заверить вас: не питайте никаких иллюзий насчет того, что вас встретят с шампанским и розами. Армия, СС и полиция будут сражаться до последней пули, а потом выйдут с поднятыми руками и заявят вам, что война была страшной ошибкой, что во всем виноват Гитлер, и начнут благодарить вас за то, что вы вошли в город раньше русских. – Долговязый голландец

тронул ус. – Они будут драться, как сумасшедшие, и бои будут жаркими. Но цель того стоит, и я горд тем, что иду с вами. Друзья мои, когда мы возьмем Берлин, война закончится».

Гавин знал, что взять Берлин будет нелегко, но полагал, что психологический шок штурма может сам по себе подавить немецких защитников Берлина. Это будет один из самых крупных воздушных десантов войны. По первоначальному плану в операции предполагалось задействовать 3000 самолетов прикрытия, 1500 транспортных самолетов, возможно, более тысячи планеров и около 20 000 парашютистов – больше, чем было сброшено в Нормандии в день «Д». «Все, что нам нужно, – в заключение сказал Гавин своим офицерам, – это решение и слово «ВПЕРЕД!».

В 30 милях от них, в Мурмелонле-Гран, закаленная 101-я воздушно-десантная дивизия также упорно тренировалась и была готова к любой операции, однако никто в 101-й не знал, каким будет приказ. Высшее командование спускало столько планов парашютного десанта, что командир дивизии генерал-майор Максвелл Д. Тейлор, его заместитель бригадный генерал Джеральд Дж. Хиггинс и штабные офицеры находились в затруднительном положении. Они должны были готовить дивизию согласно каждому плану, но не переставали задаваться вопросом, осуществится ли хоть какой-то из них.

Кроме штурма Берлина, существовали планы воздушного десанта на германскую военно-морскую базу в Киле (операция «Ирапшн»); ряд десантов на лагеря для военнопленных (операция «Джубилэнт»); десант с целью захвата целей перед наступлением 7-й армии США, когда она направится к Черному Лесу (Шварцвальду) (операция «Эффектив»). Изучались и многие другие планы – один фантастичнее другого. Штаб 101-й дивизии узнал, что штаб 1-й союзнической воздушно-десантной армии даже рассматривает возможность десантирования дивизии в горах в районе Берхтесгадена в Баварии с целью захвата «Орлиного гнезда» в Оберзальцберге, вероятно, вместе с его хозяином, Адольфом Гитлером.

Разумеется, невозможно было детально распланировать все десанты. Как сказал генерал Хиггинс своему штабу: «Просто нет столько транспортных самолетов для размещения войск и парашютистов, если будут отданы приказы на все эти операции. В любом случае, мы не жадные – нам хватит и одной!» Однако какой именно приказ получит воздушно-десантная армия и, в частности, какова будет роль 101-й дивизии? Десант на Берлин казался наиболее вероятным, хотя даже начальник оперативного отдела полковник Гарри Киннард полагал, что это будет «довольно опасное задание». Все сожалели, что, в случае берлинского десанта, 101-я будет сброшена на аэродром Гатов, в то время как их главный соперник – 82-я – получил главную цель – Темпельхоф. И все же Берлин оставался важнейшей военной целью; дел хватит всем.

Полковнику Киннарду воздушный десант казался идеальным способом закончить войну в Европе. На карте военных действий он даже начертил красную линию от районов сосредоточения десантных войск во Франции до зон высадки 101-й дивизии в Берлине: немецкая столица лежала всего в 475 воздушных милях от базы. Если им дадут зеленый свет, думал он, первые американцы окажутся в Берлине всего через пять часов.

Генерал Тейлор, командир 101-й, и его заместитель, генерал Хиггинс, хотя и страстно стремились к этому штурму, сомневались в том, что воздушным десантникам предоставят этот шанс. Хиггинс угрюмо изучил карту и сказал: «Сухопутные войска движутся с такой скоростью, что, похоже, оставят нас не у дел».

В этот же день, в воскресенье 25 марта, военные лидеры западных союзников получили обнадеживающие новости из штаба верховного главнокомандующего союзническими экспедиционными силами. В Вашингтоне и Лондоне генерал Джордж К. Маршалл, начальник штаба армии США, и фельдмаршал сэр Алан Брук, начальник имперского генерального штаба, изучили телеграмму от генерала Дуайта Д. Эйзенхауэра, прибывшую накануне

ночью: «Ряд недавних побед к западу от Рейна привел, как и планировалось, к уничтожению большого количества вражеских сил на Западном фронте. Не желая казаться слишком оптимистичным, я все же глубоко убежден в том, что нынешняя ситуация представляет возможности, за которые мы сражались и которые не должны упускать... Мое личное мнение: вражеские войска... так растянулись, что прорыв их обороны и наше наступление скоро будут ограничены лишь нашим материально-техническим обеспечением... Я отдаю распоряжения на самые энергичные действия по всей линии фронта... Я намерен с максимальной скоростью закреплять каждый успех».

Глава 2

С высоты в 800 футов колонны людей и транспорта казались бесконечными. Дуэйн Фрэнсис зачарованно смотрел из своего невооруженного самолета-разведчика «Пайпер Каб» по прозвищу «Промахнись» на разворачивавшийся внизу спектакль. Земля кишела войсками, танками и машинами. С самого конца марта, когда последние части форсировали Рейн, Фрэнсис следил за выходом войск на оперативный простор. Теперь великая река осталась далеко позади. Справа, и слева, и впереди, насколько мог видеть Фрэнсис, все было окрашено в цвет хаки.

Фрэнсис толкнул ручку управления вперед, и «Промахнись» устремился вниз вдоль границ 2-й британской и 9-й американской армий. Фрэнсис помахал крыльями, увидел ответные приветствия солдат и направился прямо на восток выполнять свою задачу в качестве «глаз» ведущих танковых колонн 5-й бронетанковой дивизии. Победа близка, в этом он был уверен. Ничто не сможет остановить наступление. Двадцатичетырехлетнему пилоту казалось, как он впоследствии вспоминал, что «сама земная твердь расшаталась и на всех парах стремится к Эльбе», последнему водному барьеру на пути к Берлину.

Фрэнсис видел лишь крошечную часть грандиозного наступления союзников. Уже несколько дней в пронизывающий холод и непрерывный дождь, в грязи, в слякоти и по льду, от Голландии почти до швейцарской границы вал людей, снаряжения и техники шириной в 350 миль выкатывался на равнины Германии. Последнее крупномасштабное наступление было в самом разгаре. Чтобы разрушить немецкую военную мощь, семь колоссальных армий: восемьдесят пять укомплектованных дивизий, пять из них – воздушно– десантные и двадцать три – бронетанковые, – большая часть войск западных союзников численностью 4 600 000 человек хлынула в рейх для нанесения последнего удара.

В городах и деревнях перепуганные немцы, все еще ошеломленные прокатившимися над ними сражениями, с изумлением таращились из подъездов и разбитых окон на бесчисленные войска союзников. Повсюду висели самодельные флаги, символы капитуляции: белые простыни, полотенца, клочки одежды.

Операция была гигантской, от ее скорости захватывало дух. По всем дорогам грохотали колонны танков, самоходных орудий, тяжелой артиллерии, бронемашин, транспортеров с легкими ручными пулеметами Брена, грузовиков с боеприпасами, санитарных машин, цистерн с горючим и огромных дизельных тягачей с длинными трейлерами, груженными снаряжением, секциями мостов, понтонами, бронированными бульдозерами и даже десантными судами. Дивизионные штабы передвигались на джипах, штабных автомобилях, жилых автоприцепах для командования и массивных автофургонах радиосвязи, ошестинившихся лесами дрожащих антенн. И все дороги были забиты войсками: люди ехали в грузовиках и бронемашинах, шагали по обочинам рядом с моторизованными колоннами или упорно месили грязь окрестных полей.

Это был яростный, яркий парад с боевыми знаменами, полковыми эмблемами и знаками различия, парад творцов истории Второй мировой войны. В дивизиях, бригадах и полках были гвардейцы, которые обеспечивали эвакуацию из Дюнкерка; бородатые командос в выцветших зеленых беретах, ветераны бригады лорда Ловата, которые совершали набеги на берега оккупированной Европы в самые тяжелые годы войны; закаленные канадцы знаменитой 2-й дивизии, высадившейся в Дьеппе – в кровавой репетиции вторжения в Нормандию. В бронетанковых колоннах с развевающимися знаменами были «Крысы пустыни» из 7-й бронетанковой дивизии, которые помогли загнать фельдмаршала Эрвина Роммеля в ливийские пески. Перекрывая топот людей и грохот техники, неслась мелодия «Дьяволы в

юбках»: волынки 51-й шотландской Хайлендской дивизии, как всегда, играли прелюдию к сражению.

В колоннах американцев наступали дивизии с дерзкими именами и захватывающим прошлым: «Боевая 69-я»; 5-я бронетанковая «Победная дивизия»; «Лесорубы» 84-й пехотной; 4-я пехотная «Дивизия плюща»; 2-я бронетанковая дивизия «Ад на колесах», чья нетрадиционная тактика танкового боя сеяла панику в рядах немцев на всем пути от высохших рек Северной Африки до берегов Рейна; 1-я дивизия «Большая красная», имевшая на своем счету больше десантных операций, чем любое другое американское соединение: 1-я, вместе с одной из старейших американских дивизий, упрямой, пронизанной традициями 29-й «Синие и серые», когда все казалось потерянным, цеплялась за узкую полосу нормандского берега под кодовым названием «Омаха» (один из секторов высадки десанта в день «Д». — *Пер.*).

Одну из частей, прославленную 83-ю пехотную дивизию, которая двигалась так же быстро, как бронетанковая оперативная группа, корреспонденты недавно прозвали «Бродячий цирк». Ее изобретательный командир генерал-майор Роберт К. Мейкон отдал приказ пополнить транспорт дивизии всем, что двигалось, «не задавая вопросов». И теперь «Бродячий цирк» передвигался на причудливом ассортименте наспех перекрашенных трофейных немецких машин: на джипах вермахта, штабных автомобилях, грузовиках для боеприпасов, танках «тигр» и «Марк U», мотоциклах, автобусах и самых дорогих их сердцам двух пожарных машинах. Одна из пожарных машин, вся облепленная пехотинцами, возглавляла колонну дивизии. Над ее задним бампером развевалось огромное знамя с надписью: «СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА: БЕРЛИН».

В наступление шли три огромные группы армий. Между голландским Неймегеном и Дюссельдорфом на Рейне 21-я группа армий под командованием фельдмаршала сэра Бернарда Лоу Монтгомери 23 марта форсировала Рейн и теперь стремительно продвигалась по равнинам Вестфалии севернее великой Рурской долины, главного индустриального района Германии. Также под командованием Монтгомери на его северном фланге двигалась канадская 1-я армия генерал-лейтенанта Анри (Генри) Д. Крерара. В центре перемещалась британская 2-я армия генерал-лейтенанта сэра Майлза Демпси — самая «союзническая» из всех союзнических армий; кроме английских, шотландских и ирландских частей, в ней сражались подразделения поляков, голландцев, бельгийцев, чехов и даже американская дивизия — 17-я воздушно-десантная. На южном фланге шло третье соединение Монтгомери: мощная американская 9-я армия генерал-лейтенанта Уильяма Симпсона. Рейн уже остался в 50 милях позади войск Монтгомери.

Следующей в линии союзников, растянувшись на 125 миль вдоль Рейна от Дюссельдорфа до района Майнца, удерживала фронт 12-я группа армий под командованием спокойного, скромного генерала Омара Нелсона Брэдли. Как и у Монтгомери, у Брэдли было три армии. Однако одна из них, американская 15-я под командованием генерал-лейтенанта Леонарда Джероу, была «призрачной» армией, так как готовилась к оккупационным обязанностям и на данный момент играла относительно неактивную роль, удерживая западный берег Рейна прямо перед Руром от района Дюссельдорфа до Бонна. Основной силой Брэдли были мощные американские 1-я и 3-я армии общей численностью около 500 000 человек. 1-я армия генерала Кортни Ходжеса, «рабочая лошадка» Европейского театра военных действий, возглавлявшая вторжение в Нормандию, наступала с юга от Рура на восток с головокружительной скоростью. С самого захвата моста в Ремагене 7 марта Ходжес упорно расширял плацдарм на восточном берегу Рейна, куда втискивались дивизия за дивизией. Затем, 25 марта, солдаты 1-й армии бросились в сокрушительное наступление с этого плацдарма. Сейчас, три дня спустя, они были более чем в 40 милях от начальной точки. Рядом с 1-й армией с боями продвигалась прославленная американская 3-я армия генерала Джорджа С.

Паттона. Несговорчивый и вспыльчивый Паттон, похвалявшийся, что его 3-я армия прошла дальше и быстрее всех, освободила больше квадратных миль континента и пленила больше немцев, чем любая другая, снова рвался вперед. Он навлек на себя гнев Монтгомери, тайно с разбегу форсировал Рейн за двадцать четыре часа до разрекламированной атаки 23 марта 21-й группы армий. Теперь танковые колонны Паттона двигались на восток со скоростью 30 миль в день.

Рядом с Паттоном и на правом фланге войск, находившихся под командованием генерала Брэдли, шла третья огромная сила союзников – 6-я группа армий генерала Джейкоба Диверса. Две армии Диверса – 7-я американская генерал-лейтенанта Александра Пэтча и 1-я французская генерала Жана Делатра де Тассиньи – удерживали южное крыло фронта длиной примерно 150 миль. Армии Пэтча и Паттона двигались почти в один эшелон, не отставая друг от друга. Армия де Тассиньи сражалась на самой пересеченной местности всего фронта, продираясь через Вогезы и Черный Лес. Его армия, *первая* французская армия, сформированная после освобождения Франции, шесть месяцев назад даже не существовала. Теперь ее 100 000 солдат надеялись, что еще успеют рассчитаться с *бошами* до того, как закончится война.

Рассчитаться хотел каждый, однако по всему Западному фронту германская армия уже не была сплоченной, организованной силой. Потрепанные во время наступления в Арденнах, когда-то всесильные армии рейха были окончательно разбиты в делящемся месяц сражении между Мозелем и Рейном. Решение Гитлера сражаться к западу от Рейна вместо того, чтобы отвести разбитые войска на заготовленные позиции на восточном берегу, оказалось катастрофическим; его можно назвать одним из величайших промахов той войны. Почти 300 000 человек были взяты в плен и 60 000 убиты или ранены. Всего немецкие потери составили в эквиваленте более двадцати полных дивизий.

Хотя, по современным оценкам, у немцев осталось более шестидесяти дивизий, это были всего лишь «бумажные» дивизии; каждая из них насчитывала по пять тысяч человек вместо штатного состава от девяти до двенадцати тысяч. Фактически, на западе осталось, как полагали, едва ли двадцать шесть полных немецких дивизий, и даже они были плохо снаряжены; у них не хватало боеприпасов, катастрофически не доставало горючего и транспорта, артиллерии и танков. Кроме них были потрепанные остатки дивизий, отдельные группы СС, зенитные войска, тысячи летчиков люфтваффе без самолетов (немецкая авиация практически прекратила свое существование), полувоенные организации, отряды местной обороны – фольксштурма, состоявшие из необученных стариков, мальчишек и подростков-курсантов. Дезорганизованная, лишенная связи и зачастую профессиональных командиров, германская армия не могла ни остановить, ни замедлить методичный натиск армий Эйзенхауэра.

Наступление от берегов Рейна продолжалось едва ли неделю, а стремительно продвигающиеся армии Монтгомери и Брэдли уже приближались к последней немецкой твердыне – сильно укрепленному Руру. Одновременно с их наступлением в восточном направлении три американские армии неожиданно и резко повернули к Руру с севера и юга. На севере 9-я армия Симпсона, продвигавшаяся прямо на восток, теперь начинала марш на юго-восток. С юга 1-я армия Ходжеса и 3-я армия Паттона, наступавшие параллельно (Паттон с внешней стороны), теперь также разворачивались и направлялись на северо-восток, чтобы соединиться с Симпсоном. Ловушка была расставлена так быстро, что немцы – в основном группа армий «Б» фельдмаршала Вальтера Моделя численностью не менее двадцати одной дивизии, – казалось, даже не замечали, что вокруг них смыкаются клешни. Теперь им угрожало окружение: «котел» примерно 70 миль длиной и 55 миль шириной, куда, по данным союзнической разведки, попало больше людей и снаряжения, чем русские захватили под Сталинградом.

По общему плану поражения Германии, форсирование Рейна и захват Рура всегда считались основными и труднодостижимыми целями. Огромный промышленный Рурский бассейн с его угольными шахтами, нефтеперегонными, сталелитейными и оружейными заводами раскинулся почти на четыре тысячи квадратных миль. Полагали, что его захват может занять месяцы, но это было до разгрома немцев на Рейне. Сейчас захват в клещи – военная хитрость тихого миссурийца Омара Брэдли – осуществлялся с захватывающей дух скоростью. Американцы продвигались так быстро, что командиры дивизий теперь говорили, что полное окружение – вопрос нескольких дней. Как только Рур окажется в кольце, у Германии останется слишком мало войск, чтобы сдержать мощное наступление союзников. Враг уже был сокрушен настолько, что не имел непрерывной линии обороны.

Германские войска были так дезорганизованы, что генерал-майор Айзик Д. Уайт, командующий 2-й бронетанковой дивизией США, приказал своим солдатам обходить любой крупный очаг сопротивления и двигаться дальше. 2-я дивизия, острейшая 9-й армии, окружавшая немцев по северному краю Рура, стремительно преодолела более 50 миль за три дня. Немцы, попавшие в небольшие изолированные «котлы», сражались ожесточенно, но больше неприятностей, чем вражеское сопротивление, доставляли 2-й дивизии взорванные мосты, наспех возведенные заграждения на дорогах, минные поля и пересеченная местность, что встречалось практически повсюду.

Подполковник Уилер Мерриам, который вел в авангарде 2-й дивизии свой 82-й батальон разведки, сталкивался с огромной неразберихой и очень слабым сопротивлением. 28 марта, когда его танки рассредоточились по обе стороны главной железной дороги восток – запад, Мерриам приказал остановиться, чтобы доложить о своих новых позициях. Пока его радист пытался связаться со штабом, Мерриаму показалось, что он слышит паровозный гудок, и вдруг прямо через его позиции, пытаясь, потащился немецкий поезд: вагоны, забитые войсками, и платформы с бронемашинами и пушками. Немцы и американцы в изумлении вытаращились друг на друга. Глядя на солдат вермахта, высунувшихся из окон, Мерриам мог даже рассмотреть «отдельные волоски на их лицах, пропущенные при бритье». Его люди ошеломленно смотрели вслед ушедшему на запад поезду. С обеих сторон не раздалось ни единого выстрела.

Наконец Мерриам очнулся и схватился за радиотелефон. Почти в тот же момент, как в нескольких милях к западу командир дивизии генерал Уайт по радиотелефону своего джипа получил предупреждение взволнованного Мерриама, он сам увидел поезд. Военный полицейский резко остановил колонны 2-й дивизии, пересекавшие железнодорожные пути, а Уайт, как и Мерриам, зачарованно смотрел на катившийся мимо поезд. Через несколько секунд Уайт уже вызывал по полемому телефону артиллерийский огонь. Несколько минут спустя 92-й батальон полевой артиллерии дал залп и разрубил поезд точно пополам. Позже обнаружилось, что в немецком составе находилось множество противотанковых орудий, полевых орудий и 16-дюймовое орудие на железнодорожной платформе. Захваченные в плен солдаты с поезда сообщили, что даже не подозревали о наступлении союзников. Они думали, что американцы и британцы все еще стоят к западу от Рейна.

Эта неразбериха была и союзником и врагом. Подполковник Эллис У. Уильямсон с 30-й пехотной дивизией продвигался так быстро, что был даже обстрелян артиллерией другой союзнической дивизии. Они приняли людей Уильямсона за отступающих на восток немцев. Лейтенант Кларенс Нельсон из 5-й бронетанковой попал в похожий переплет. В его джип влетел снаряд, но лейтенант успел перепрыгнуть в колесно-гусеничный танк, приблизившийся под сильным артиллерийским огнем. Нельсон приказал экипажу танка уничтожить вражеский опорный пункт. Танк взобрался на холм и дал два залпа... по британской бронемашине. Британцы, хотя и остались невредимы, пришли в ярость. Оказалось, что они сидели в засаде, поджидая какую-нибудь цель. Капеллан Бен Л. Роуз из 113-й легкомеханизирован-

ной группы вспоминает, как командир танка серьезно докладывал командиру группы: «Мы продвинулись еще на сто ярдов, сэр... с боем. Сопротивление ожесточенное, как вражеское, так и дружеское».

Столь стремительным было окружение и столь быстро разваливалась немецкая линия обороны, что многих командиров больше тревожили потери личного состава в дорожных авариях, чем от вражеского огня. Капитан Чарльз Кинг из прославленной британской 7-й бронетанковой дивизии умолял своих людей «осторожнее рулить по этим дорогам». «Было бы печально, – предупреждал он, – именно сейчас умереть в автокатастрофе». Несколько часов спустя Кинг, один из первых «крыс пустыни», погиб: его джип подорвался на немецкой мине.

Большинство солдат понятия не имели, где они находятся и кто наступает на флангах их частей. Передовые отряды часто выходили за пределы районов, обозначенных на их картах. Находчивых парней из 82-го батальона разведки это ни в малейшей степени не тревожило. Они пользовались чрезвычайными картами: шелковыми, размером с носовой платок картами спасения ВВС США, которыми ранее обеспечивали всех боевых летчиков на тот случай, если их собьют над вражеской территорией. Разведчики 82-го батальона подтверждали свое местоположение, просто сверяясь с немецкими дорожными указательными столбами. В секторе 84-й дивизии подполковник Норман Д. Карнз обнаружил, что на весь его батальон имеются только две пригодные карты, и это его не беспокоило... пока работали все его радиотелефоны и он мог держать связь со штабом. Лейтенант Артур Т. Хадли, эксперт по психологическим методам ведения войны, прикомандированный ко 2-й бронетанковой дивизии, который требовал капитуляции немецких городов не оружием, а громкоговорителем своего танка, теперь пользовался картами древнего туристического путеводителя Бедекера. Капитан Фрэнсис Шоммер из 83-й дивизии всегда знал, куда привел свой батальон. Он просто хватал первого попавшегося на глаза немца, тыкал ему в ребра дулом винтовки и на беглом немецком спрашивал, где он находится. И пока еще ни разу он не получил неверного ответа.

Личному составу бронетанковых дивизий наступление от берегов Рейна представлялось особым способом ведения боевых действий. Похожие на змей колонны бронетехники, которые сейчас атаковали, обходили, окружали, прорезали немецкие города и армии, демонстрировали классический пример тактики бронетанковых войск в ее лучшем исполнении. Некоторые пытались обрисовать в письмах великую бронетанковую гонку на восток. Подполковник Клифтон Батчелдер, командир 1-го батальона 67-го бронетанкового полка, полагал, что в этом прорыве сосредоточены «вся решительность и дерзость знаменитых кавалерийских операций Гражданской войны». Лейтенант Джеральд П. Либман отмечал, что, пока 5-я бронетанковая дивизия прорезалась сквозь врага, тысячи немцев оставались сражаться позади в окружении. Он насмешливо написал: «Мы используем тылы врага ПОСЛЕ прорыва его передовых позиций».

Либману наступление напоминало бронетанковый бросок генерала Паттона из живых изгородей Нормандии, в котором он также принимал участие. «Никто не ест и не спит, – замечал он. – Мы только атакуем и продвигаемся, атакуем и продвигаемся. Повторяется Франция, но на этот раз на домах развеваются не французские триколоры, а флаги капитуляции». В Девонширском полку, наступающем вместе с британской 7-й бронетанковой дивизией, лейтенант Фрэнк Барнз сказал своему другу лейтенанту Роберту Дейви, что «замечательно все время идти вперед». Оба офицера ликовали, так как на коротком инструктаже перед атакой им сказали, что это последнее мощное наступление и что конечная цель – Берлин.

Фельдмаршал Монтгомери всегда считал Берлин конечной целью. Подверженный вспышкам гнева, не терпящий отсрочек, темпераментный и часто бестактный, но неизменно

реалистичный и отважный, Монтгомери нацелился на Берлин еще во время своей великой победы в пустыне при Эль-Аламейне. Тот самый человек, который решительно сказал «Вперед», когда погодные условия грозили отсрочить вторжение в Нормандию, теперь снова требовал зеленый свет. В отсутствие четкого решения Верховного главнокомандующего Монтгомери объявил свое. В 6.10 вечера вторника 27 марта в закодированном послании в штаб Верховного главнокомандования он информировал генерала Эйзенхауэра: «Сегодня я отдал приказ командующим армиями о наступлении на восток, которое вот-вот должно начаться... я намереваюсь прорваться к Эльбе силами 9-й и 2-й армий. Правый фланг 9-й армии будет направлен на Магдебург, а левый фланг 2-й армии – на Гамбург... Канадская армия будет очищать от врага Северо-Восточную Голландию, Западную Голландию и прибрежный район к северу от левого фланга 2-й армии... Я приказал 9-й и 2-й армиям немедленно выдвинуть бронетанковые и мобильные соединения для форсирования Эльбы с максимальной скоростью и энергией. Ситуация выглядит благоприятной и в течение нескольких дней события будут развиваться быстро. В четверг 29 марта мой тактический штаб передвинется к северо-западу от Боннингхардта. Затем, я надеюсь... мой штаб будет двигаться к Везелю – Мюнстеру – Виденбрюку – Херфорду – Ганноверу и далее по автобану на Берлин».

* * *

Неторопливо вращаясь на веревочных поводках, Тетя Эффи и Дядя Отто скорбно озирали заваленный мусором берлинский двор. Карл Виберг стоял на заднем балконе своей квартиры на втором этаже в Вильмерсдорфе и ласково ободрял своих такс. Он разработал процедуру эвакуации при воздушных налетах, и собаки после недель тренировок вполне к ней привыкли. Как и соседи Виберга, хотя они считали, что швед излишне заботится о своих питомцах. Они привыкли к виду лоснящихся Тети Эффи и Дяди Отто, снующих вверх-вниз мимо окон. Никто не обращал внимания и на болтающиеся веревки, чего, собственно, и добивался Виберг. Если вдруг нагрянет гестапо, он сможет перемахнуть через задний балкон и бежать по тем же самым веревкам.

Он все продумал очень тщательно. Один-единственный промах, и его разоблачат как шпиона союзников, а теперь, когда берлинцы с каждым днем становились все подозрительнее и встревоженнее, он не хотел рисковать. Он так и не обнаружил местопребывание Гитлера. Его небрежные и на вид невинные вопросы явно не возбудили никаких подозрений, но и не привели ни к какой информации. Даже его высокопоставленные друзья в вермахте и люфтваффе ничего не знали. Виберг начинал верить, что фюрера и его приближенных в Берлине нет.

Когда он втаскивал собак на балкон, вдруг зазвонил дверной звонок. Виберг напрягся; он постоянно терзался страхом, что однажды подойдет к двери и обнаружит полицию. Сейчас он никаких посетителей не ожидал. Виберг аккуратно освободил собак и открыл дверь. На пороге стоял незнакомец. Рослый, крепкий, в рабочих брюках и кожаной куртке. На правом плече он держал большую картонную коробку.

– Карл Виберг? – спросил незнакомец.

Виберг кивнул.

Мужчина опустил коробку и поставил ее на пол в прихожей.

– Маленький подарок от ваших друзей в Швеции, – сказал он с улыбкой.

– Моих друзей в Швеции? – насторожился Виберг.

– О, вы отлично знаете, что это. – Незнакомец развернулся и быстро стал спускаться по лестнице.

Виберг тихо закрыл дверь и, окаменев, уставился на коробку. Единственными «подарками», которые он получал из Швеции, было шпионское снаряжение. Ловушка? Не ворвется

ли в квартиру полиция в тот момент, когда он откроет коробку? Виберг быстро пересек гостиную и тщательно осмотрел улицу. Пусто. И гостя его нигде не видно. Виберг вернулся к двери, прислушался и не услышал ничего необычного. Наконец он втащил коробку на диван в гостиной и открыл. В столь небрежно врученной коробке находился радиопередатчик. Виберг вдруг осознал, что сильно вспотел.

Несколько недель назад начальник Виберга, датчанин по имени Хеннигс Йессен-Шмидт, сообщил ему, что отныне он будет «кладовщиком» берлинской шпионской сети. С тех пор через курьеров Виберг получал различные посылки, но его всегда предупреждали заранее, и сама доставка всегда осуществлялась с чрезвычайной осторожностью. Его телефон звонил дважды и отключался; это был сигнал, означавший, что следует ждать посылку. Курьеры всегда приходили в темноте и обычно во время авианалетов. Никогда прежде к Вибергу не приближались среди бела дня. Он был в ярости. «Кто-то действовал очень наивно и непрофессионально, подвергая опасности всю операцию», – скажет он впоследствии.

Положение Виберга становилось все более опасным; он не мог допустить визит полиции, ведь его квартира была теперь настоящим хранилищем шпионского снаряжения. В его комнатах было спрятано много валюты, шифровальные таблицы и множество лекарств и ядов: от быстродействующих «нокаутующих» таблеток, способных лишить сознания на различные периоды времени, до смертельных смесей с цианидом. В его угольном подвале и в арендованном неподалеку гараже хранился маленький арсенал: винтовки, револьверы и боеприпасы. У Виберга был даже чемодан с очень чувствительной взрывчаткой, которая сильно тревожила его из-за авианалетов. Однако он и Йессен-Шмидт нашли отличное укромное место. Взрывчатка теперь лежала в большом депозитном ящике в хранилище Дойче Юнион банка.

Чудесным образом квартира Виберга пока уцелела, но он боялся думать о последствиях, если она будет разбомблена. Его немедленно разоблачат. Йессен-Шмидт сказал Вибергу, что в нужный момент все запасы будут переданы различным группам оперативников и саботажников, которые скоро прибудут в Берлин. Действия этих избранных агентов должны начаться по сигналу, посланному по радио или через курьера сети из Лондона. Виберг ожидал, что распределение снаряжения начнется скоро. Как предупредил Йессен-Шмидт, сообщение передадут в следующие несколько недель, поскольку работа групп должна совпасть с захватом города. Согласно информации, которую получили Йессен-Шмидт и Виберг, британцы и американцы должны достичь Берлина около середины апреля.

Глава 3

Уинстон Черчилль сидел в любимом кожаном кресле, в тишине своего кабинета на Даунинг-стрит, 10, прижав к уху телефонную трубку. Премьер-министр слушал, как его начальник генерального штаба генерал Хастингс Исмей зачитывает копию сообщения Монтгомери Верховному главнокомандующему. Обещание фельдмаршалом «максимальной скорости и энергии» действительно было хорошей новостью; даже лучше заявленного им намерения направить войска на Берлин. «Монтгомери, – сказал премьер-министр Исмею, – продвигается отлично».

После месяцев бурных дискуссий стратегические разногласия между британскими и американскими лидерами, казалось, сгладились. По планам генерала Эйзенхауэра, разработанным осенью 1944 года и одобренным Объединенным комитетом начальников штабов в январе 1945 года на Мальте, 21-й группе армий Монтгомери предписывалось форсировать Нижний Рейн и пройти через север Рура; это был путь, который Черчилль в письме Рузвельту назвал «кратчайшей дорогой на Берлин». На юге американские войска должны были форсировать реку и направиться в район Франкфурта, отвлекая врага от Монтгомери. Это вспомогательное продвижение могло стать главным рубежом, если наступление Монтгомери захлебнется. Однако для Черчилля вопрос был решен. «Великий крестовый поход» близился к своему концу, и Черчиллю было особенно отрадно, что из всех союзных командующих именно герой Эль-Аламейна, казалось, самой судьбой избран для захвата Берлина. 21-я группа армий была специально подготовлена для этого наступления: укомплектована лучшими войсками, обеспечена поддержкой авиации, продовольствием и снаряжением. В общем счете Монтгомери командовал почти миллионом человек в тридцати пяти дивизиях и приданных им частях, включая американскую 9-ю армию.

За четыре дня до этого разговора Черчилль с генералом Эйзенхауэром посетил Германию, чтобы своими глазами увидеть начальную фазу форсирования. Наблюдая с берегов Рейна за тем, как разворачивается монументальное наступление, Черчилль сказал Эйзенхауэру: «Дорогой генерал, немец сметен. Мы его разбили. С ним покончено».

И действительно, в большинстве районов враг сопротивлялся на удивление слабо. В секторе американской 9-й армии, где две дивизии – около 34 000 – форсировали реку плечом к плечу с британцами, потери составили всего тридцать один человек. Сейчас Монтгомери имел более двадцати дивизий и пятнадцать сотен танков на другом берегу реки и продвигался к Эльбе. Дорога на Берлин, которую Черчилль назвал «первостепенной и истинной целью англо-американских армий», казалась широко открытой.

Была она открытой и в политическом смысле. «Большая тройка» никогда не обсуждала, какая армия возьмет город. Берлин был открытой целью, ожидающей захвата той из союзнических армий, которая дойдет первой.

Однако очень активно дискутировался вопрос оккупации остальной вражеской территории, что доказывали сектора, размеченные на картах операции «Иклипс». И решения, касающиеся оккупации Германии, были ключевыми для захвата и политического будущего Берлина. По меньшей мере один из лидеров коалиции осознал это в самом начале. «За Берлин определенно будет гонка», – сказал он. Этим человеком был Франклин Делано Рузвельт.

Этот вопрос поставили перед Рузвельтом семнадцать месяцев назад, 19 ноября 1943 года. В тот момент президент сидел во главе стола в комнате для совещаний апартаментов адмирала Эрнеста Дж. Кинга на борту линкора США «Айова». По обе стороны от него расположились его помощники и советники, и среди них начальник комитета штабов США. Рузвельт направлялся на Средний Восток, чтобы участвовать в Каирской и Тегеранской конференциях – пятой и шестой за войну встречах лидеров антигитлеровской коалиции.

То были важнейшие дни глобальной борьбы со странами «Оси». На русском фронте немцы потерпели свое самое крупное и самое кровавое поражение: Сталинград, окруженный и отрезанный на двадцать три дня, пал, и более 300 000 немцев были убиты, ранены или взяты в плен. На Тихом океане более миллиона американцев теснили японцев на всех направлениях. На Западе Роммеля изгнали из Северной Африки. Италия, атакованная из Африки через Сицилию, капитулировала; немцы с беспощадным упорством цеплялись за северную часть страны. И сейчас англо-американцы готовили планы для решающего удара – операцию «Оверлорд», массированное вторжение в Европу.

На борту «Айовы» Рузвельт выглядел сильно раздраженным. Перед ним лежали документы и карты, отражавшие сущность плана под названием «Рэнкин, Кейз Си», одного из многих вариантов, разработанных в связи с предстоящим вторжением. «Рэнкин Си» включал меры, которые необходимо предпринять в случае неожиданного краха или капитуляции врага. В этой ситуации план предлагал разделить рейх и Берлин на сектора, которые оккупирует «Большая тройка». Президента беспокоило то, что для его страны район был выбран британцами.

«Рэнкин Си» был создан в специфических и разочаровывающих обстоятельствах. Человеком, которому предстояло выполнять его, был бы Верховный главнокомандующий союзническими войсками в Европе, однако эта должность пока оставалась вакантной. Трудное задание составить план для главнокомандующего, то есть подготовить и форсирование Ла-Манша – операцию «Оверлорд», и план на случай капитуляции Германии – операцию «Рэнкин», поручили британскому генерал-лейтенанту Фредерику Моргану⁹, известному под кодовым именем КОССАК (COSSAC) (начальник штаба Верховного главнокомандующего союзническими силами, назначенный, но еще не вступивший в должность).

Это была сомнительная и неблагодарная работа. Когда Моргану назначили на этот пост, сэр Алан Брук, начальник имперского генерального штаба, сказал ему: «Ну, это, конечно, не сработает, но вы должны чертовски хорошо подготовить этот план!»

При подготовке «Рэнкин Си» Моргану пришлось учитывать всевозможные непредсказуемые события. Что случится, если враг капитулирует внезапно и захватит союзников врасплох, как случилось в Первой мировой войне в ноябре 1918 года после непредусмотренной капитуляции немцев? Чьим войскам куда идти? Какие районы Германии будут заняты американскими, британскими и русскими войсками? Кому брать Берлин? Это были основные вопросы, и – если союзники не хотят быть захваченными врасплох внезапным крахом Германии – ответы должны быть ясными и решительными.

До того момента никакого особого плана окончания войны не разрабатывалось. Хотя различные американские и британские правительственные ведомства обсуждали проблемы, которые могли возникнуть после прекращения военных действий, общая политика практически не была сформулирована. Согласие было достигнуто только по одному пункту: вражеская страна будет оккупирована.

У русских, наоборот, никаких проблем с политикой не возникало. Иосиф Сталин всегда считал оккупацию само собой разумеющейся и всегда точно знал, как этого достичь. Еще в декабре 1941 года он прямо информировал британского министра иностранных дел Антони Идена о своих послевоенных требованиях, назвал территории, которые намеревался оккупировать и аннексировать. Это был внушительный список: в качестве военного трофея

⁹ Фактически, вначале, в 1943 году, существовало три части операции «Рэнкин»: «Кейз А» рассматривал ситуацию, в которой Германия может настолько ослабнуть, что будет необходимо лишь вторжение «миниатюрный «Оверлорд»; «Кейз Би» учитывал стратегическое отступление немцев из некоторых областей оккупированных стран и сохранение основной части их войск вдоль европейского побережья для отражения вторжения; «Кейз Си» учитывал внезапный крах Германии до, во время или после самого вторжения. «Кейз А» и «Кейз Би» были отвергнуты почти сразу же и, как вспоминает Морган, удостоились лишь мимолетного рассмотрения.

Сталин хотел признания своих претензий на Латвию, Литву и Эстонию; ту часть Финляндии, которую он захватил, когда напал на финнов в 1939 году; Бессарабию в Румынии; ту часть Восточной Польши, которую Советы получили в 1939 году по договору с нацистами, и большую часть Восточной Пруссии. В то время как Сталин невозмутимо излагал свои условия, немецкие орудия грохотали в пятнадцати милях от Кремля в московских пригородах, где немецкие войска все еще отчаянно рвались к русской столице.

Хотя в 1941 году британцы сочли требования Сталина по меньшей мере преждевременными¹⁰, они подготовили свои собственные планы.

Британский министр иностранных дел Антони Иден рекомендовал полностью оккупировать Германию и разделить ее между союзниками на три зоны. Вслед за этим был учрежден правительственный орган, названный Комитет по перемирию и послевоенной политике под председательством заместителя премьер-министра Клемента Эттли, главы лейбористской партии. Группа Эттли разработала всеобъемлющие рекомендации, также защищавшие трехстороннее разделение, причем Британии отводились промышленно и коммерчески богатые районы. Берлин, как предполагалось, будет совместно оккупирован тремя державами. Единственным из союзников, у которого не было практически никаких планов на случай поражения Германии, оказались Соединенные Штаты. Согласно официальной точке зрения, США считали, что послевоенное урегулирование должно быть отложено поближе к окончательной победе. Предполагалось, что оккупационная политика – в первую очередь забота военных.

Однако сейчас, когда коллективная мощь союзников возобладала на всех фронтах, а скорость их наступления все возрастала, необходимость в координации политических планов стала особенно острой. В октябре 1943 года на конференции министров иностранных дел в Москве были предприняты первые осторожные попытки определить совместную послевоенную политику. Союзники одобрили идею коллективной ответственности за контроль и оккупацию Германии и учредили трехсторонний орган – Европейскую консультативную комиссию – для «изучения и составления рекомендаций трем правительствам по европейским вопросам, касающимся окончания военных действий».

Однако тем временем Морган предложил *свой* проект – примерный план оккупации Германии, разработанный, как он позже объяснил, «лишь после долгого рассматривания магического кристалла». Первоначально, в отсутствие политического руководства, Морган предложил план ограниченной оккупации. Однако его окончательные предложения в «Рэнкин Си» отражали более детальный план комитета Эттли. Поколдовав над картой, Морган разделил Германию математически на трети, «легко проведя синим карандашом вдоль существующих границ провинций». Было очевидно, что русские, наступающие с востока, должны оккупировать восточный сектор. Деление между англо-американцами и русскими по пересмотренному плану «Рэнкин Си» предполагало границу от Любека на Балтике до Айзенаха в Центральной Германии и оттуда до чешской границы. Относительно размеров советской зоны у Моргана сомнений не было. Его не просили рассматривать этот вопрос,

¹⁰ Черчилль получил предложения Сталина, когда пересекал Атлантику на борту британского линкора «Дьюк ов Йорк», направляясь на встречу с Рузвельтом. США только что вступили в войну, и Черчилль сомневался, уместно ли сейчас понимать этот вопрос перед новым могущественным союзником. Он телеграфировал Идену: «Естественно, будьте вежливы со Сталиным. Мы направляемся в Соединенные Штаты не для того, чтобы вступать в тайные и особые соглашения. Ознакомление президента Рузвельта с этими предложениями может вызвать резкий отказ и длительные осложнения... Даже неофициально поднять этот вопрос... было бы, по моему мнению, неблагоприятно». Государственный департамент (внешнеполитическое ведомство США. – *Пер.*) был проинформирован о разговоре Идена со Сталиным, но нет никаких доказательств того, что кто-то потрудился в то время доложить о нем президенту Соединенных Штатов. Однако к марту 1943 года Рузвельт был полностью осведомлен, и, согласно Идену, который обсуждал с ним этот вопрос, президент не предвидел особых трудностей с Советским Союзом. «Главный вопрос, занимавший Рузвельта, – сказал Иден, – возможно ли работать с Россией сейчас и после войны».

поскольку, «естественно, это дело русских, которые не включены в нашу компанию». А вот Берлин Morgana тревожил, так как город оказывался в русском секторе. «Должны ли мы и далее считать этот город столицей и будет ли вообще там столица? – размышлял он. – Из интернациональности операции следовало, что оккупация Берлина или любой другой столицы, если таковая будет, должна осуществляться в равной степени трехсторонними силами – по дивизии от американских, британских и русских войск».

Что касается британской и американской зон, их северо-западное соседство, на взгляд Morgana, было предрешиено одним, казалось бы, смехотворным, однако важным фактом: дислокацией британских и американских баз и военных лагерей в Англии. С того времени, как первые американские войска прибыли в Соединенное Королевство, они расквартировывались сначала в Северной Ирландии, а затем на юге и юго-западе Англии. Британские войска располагались на севере и юго-востоке. Таким образом, концентрация войск, их снабжение и коммуникации были раздельными: американцы всегда справа, британцы – слева, если стоять лицом к континенту Европа. Как предвидел Морган, операция «Оверлорд» должна была продолжаться от форсирования Ла-Манша до вторжения на пляжи Нормандии и, вероятно, броска через Европу в самое сердце Германии. Британцы должны были войти в Северную Германию и освободить Голландию, Данию и Норвегию. Справа американцы, продолжая наступление через Францию, Бельгию и Люксембург, закончат его в южных германских провинциях.

«Я не думаю, что кто-либо в то время мог полностью сознавать скрытый смысл решения, которое, по всей вероятности, было принято каким-то мелким чиновником в военном министерстве. Но из него вытекало все остальное», – скажет впоследствии Морган.

На борту «Айовы» президент Соединенных Штатов прекрасно сознавал скрытый смысл решения, и именно это не нравилось ему в плане «Рэнкин Си». Как только в три часа началось дневное заседание, Рузвельт, явно раздраженный, поднял этот вопрос. Комментируя сопроводительный меморандум, в котором начальники штабов просили указаний по пересмотренному плану Morgana, Рузвельт упрекнул своих военных советников за «выдвижение некоторых гипотез» – в частности, той, по которой США должны принять британское предложение оккупировать Южную Германию. «Мне не нравится это соглашение», – заявил президент. Он хотел получить северо-запад Германии, хотел получить доступ к портам Бремена и Гамбурга, а также к портам Норвегии и Дании. И Рузвельт твердо настаивал еще кое на чем: на расширении американской зоны. «Мы должны дойти до Берлина. США должны получить Берлин, – сказал он, а затем добавил: – Советы могут забирать территорию к востоку».

Рузвельт был недоволен и еще одним аспектом «Рэнкин Си». На юге США доставалась сфера ответственности, включающая Францию, Бельгию и Люксембург. Рузвельта тревожила Франция и особенно лидер вооруженных сил «Свободной Франции» генерал Шарль де Голль, которого он считал «политической головной болью». Когда войска войдут в эту страну, говорил Рузвельт своим советникам, де Голль будет «в миле позади войск», готовый возглавить правительство. Более всего Рузвельт опасался, что после окончания войны во Франции может разразиться гражданская война, а он не хотел впутываться «в воссоздание Франции». «Франция, – объявил президент, – британское дитя».

И не только Франция. Рузвельт чувствовал, что Британия хотела бы получить ответственность и за Люксембург, и за Бельгию, и за южную зону Германии. Что касается американской зоны, как видел ее президент, она должна охватить Северную Германию (включая Берлин) до самого Штеттина на Одере. И снова, тщательно подбирая слова, он подчеркнул свое недовольство предложенным зональным соглашением. «По британскому плану США получают южную зону, и мне это не нравится», – сказал Рузвельт.

Предложения президента поразили его военных советников. Три месяца назад на конференции в Квебеке начальники штабов в принципе одобрили этот план, как и Объединенный комитет американских и британских начальников штабов. В то время президент Рузвельт выказал огромный интерес к разделению Германии и своим авторитетом поддерживал срочность планирования, высказав желание, чтобы войска «были готовы захватить Берлин так же быстро, как и русские».

Начальники штабов полагали, что вопросы, включенные в «Рэнкин Си», решены. Они представили план на борту «Айовы» только потому, что в нем – наряду с военной стратегией – были затронуты политические и экономические проблемы. Теперь президент оспаривал не только план оккупации, но и сам базис операции «Оверлорд». Если менять запланированные зоны оккупации согласно желаниям президента, то необходимо поменять местами войска до вторжения. Это приведет к отсрочке и таким образом поставит под угрозу все наступление через Ла-Манш, одну из самых сложных операций в военной истории. Военным советникам Рузвельта казалось очевидным, что президент либо не понимает масштабы переброски материально-технического обеспечения, либо понимает слишком хорошо и просто готов заплатить феноменальную цену за то, чтобы заполучить северо-западную зону и Берлин для Соединенных Штатов. По их мнению, цена была непомерно высокой.

Генерал Маршалл начал дипломатично уточнять ситуацию. Он согласился с тем, «что в эту проблему следует вникнуть». Однако, сказал он, предложения плана «Рэнкин Си» исходят из важнейших военных соображений. С точки зрения материально-технического обеспечения, убеждал он, «американские войска должны быть справа... все построено на расположении портов в Англии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.